

На правах рукописи

Попова Галина Евгеньевна

РЕЛЕВАНТНОСТЬ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Майкоп – 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Астраханский государственный технический университет»

Научный консультант: **Алферов Александр Владимирович,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Баребина Наталья Сергеевна,**
доктор филологических наук, доцент, кафедра «Иностранные языки» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», заведующий кафедрой
Бредихин Сергей Николаевич,
доктор филологических наук, доцент, кафедра теории и практики перевода ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор
Моисеенко Лилия Васильевна,
доктор филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации в области права ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», заведующий кафедрой

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «**Воронежский государственный университет**» (г. Воронеж)

Защита состоится 3 июля 2023 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260 и на сайте университета: <https://www.adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/5221/>

Автореферат разослан «__» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое исследование выполнено в русле лингвокогнитивной теории значения в речевой интеракции и рассматривает факторы *речевого взаимодействия* (РВ) на естественном языке в рамках сопряжения когнитивных, семиотических и интеракционных процессов в сознании и речи коммуникантов.

Такой подход определяется интегративностью методологии антропоцентрической парадигмы в её междисциплинарных связях [Златев, 2016; Кибрик, 2015; Кравченко, 2004; Zima, 2015; Zlatev, 2012]. Соединение когнитивного, семиотического и интеракционно-прагматического подходов необходимо в исследовании механизмов смыслообразования и смыслообмена в рамках коммуникативного события – речевого взаимодействия (ср. [Болдырев, 2019; Григорьева, 2007; 2018; 2019; Moeschler, 1988]).

В интеракционной когнитивной системе [Демьянков, 2016] значимость некоего содержания определяется потребностью в знании, которая рождает потребность в трансфере знания, в когнитивной трансакции [Демьянков, 2016; Йокояма, 1995]. Отсюда вытекает семиотическое представление релевантности как «ценности» (*valeur*) в информационном обмене, в референциальном конструировании и формировании смысла (ср. *negotiation of meaning* [Bourdieu, 1977]). Речь идёт, в конечном счете, о качестве информации, адекватности её интерпретации для понимания как смыслообразования [Демьянков, 1989]. Релевантность интерпретации состоит в получении максимальной «выгоды» (смысла) с наименьшими «затратами» (интерпретационными усилиями) [Sperber, Wilson, 1986/1995].

В коммуникативной интеракции понимание обусловлено интерсубъективным взаимопониманием. Взаимопонимание есть одна из первичных целей речевой интеракции [Демьянков, 1989]. В основе взаимопонимания лежит *интерпретация* речевого действия коммуникатора, выявление «значения говорящего» (*speaker's meaning* [Grice, 1991]), которые необходимы адресату для успешного осмысления речедеятельностного континуума. Во многих ситуациях обыденного общения, в профессиональной делиберации – обсуждении и принятии решений, в манипуляции, пропаганде и информационном конфликте *критерий истинности* дефокусируется и уступает место принципу релевантности (эффективности) в контексте речевой интеракции [Ирисханова, 2014а: 260].

Актуальность исследования состоит в необходимости разработки полиаспектного интегративного междисциплинарного подхода к когнитивным, в частности, интерпретационным процессам в коммуникации в совокупности с рассмотрением её дискурсивных и интеракционных аспектов, лежащих в основе речекогнитивной делиберации (диалога-обмена мнениями) с целью достижения договоренностей, взаимопонимания, принятия решения в повседневной и профессиональной деятельности. Следуя интерсубъективной перспективе описания ценностных характеристик информации, системное исследование релевантности смыслообразования

позволит моделировать когнитивные и контекстуальные эффекты речевого взаимодействия и воздействия в обыденной и профессиональной коммуникации. Актуальность исследования основывается на фундаментальной проблеме, рассматриваемой в теоретически новом ракурсе – разработке методологических аспектов анализа коммуникативно-когнитивного механизма понимания и взаимопонимания как условия концептуализации смыслового объекта в процессе интересубъективной интеракции в рамках осуществляемой деятельности. Перспективность и актуальность когнитивного социолингвистического анализа связана с тем, что язык служит средством формирования, закрепления и развития социальных структур знаний, возникающих в процессе коммуникативного взаимодействия с целью регуляции жизнедеятельности [Ирисханова, 2014б; Шюц, 2000; Madgic, 1973].

Многие ученые отмечают фундаментальность феномена релевантности для теории коммуникации (ср. «*Relevance is a fundamental aspect of human communication*» [Saracevic, 2007a: 324]). Концептуальные способности людей позволяют обрабатывать очень ограниченный спектр информации. С другой стороны, люди постоянно стремятся совершенствовать свои знания о мире в отношении количества, качества и организации. Поэтому обработке подвергается наиболее важная информация, оптимизирующая знания о мире. Оптимально релевантная информация относится к информации, которая вносит максимально возможный вклад в когнитивную систему при наименьших затратах на когнитивную обработку. Настройка на максимизацию релевантности происходит рефлекторно [Ирисханова, 2014а; Talmy, 2007] и даёт «ключ к человеческому познанию» [Sperber, 2000: 120; Tomasello, 2009]. Поиск релевантности рассматривается как результат эволюционных процессов: в филогенетическом отборе когнитивная система человека развивает механизм эффективности восприятия [Simons, Chabris, 1999; Zlatev, 2014]. Механизмы перцепции и памяти имеют тенденцию автоматически активировать потенциально релевантные интерпретации и смыслы, а механизмы инференциального вывода имеют тенденцию спонтанно обрабатывать их наиболее продуктивным способом [Fauconnier, 2005; Sperber, Wilson, 2015]. Из бесчисленного количества стимулов лишь релевантные подвергаются когнитивной обработке [Talmy, 2007].

Будучи когнитивным и психологическим феноменом [Sperber, Wilson, 1995: 625-626], релевантность относится к когнитивно-интеракционным универсалиям и не зависит напрямую от системной организации национальных языков, но отражает этно-социальные, культурологические и когнитивные детерминанты, накладывающиеся как на сам язык, его лексическую и фразеологическую семантику [Алефиренко, 2011; Апресян, 2004; Болдырев, 2018], так и на речезыковое поведение [Залевская, 2005; Стернин, 2000]. Поэтому механизмы *понимания* и реализации когнитивно-коммуникативной *релевантности* отслеживаются нами на материале французского, английского и русского языков, чтобы проследить корреляции

в национальных типах речевого сознания [Залевская, 2015; 2018; Astington, 2005; Vaars, 1997; 1988] и поведения [Стернин, 2003].

Не связанный напрямую с дискретными единицами языка, когнитивно-коммуникативный механизм релевантности принадлежит глубинной грамматике [Chomsky, 2000; 2006; 2009], реализующейся в двух языковых ипостасях:

– во внутреннем (интериоризированном) языке (*I-language*), отражающем языковую компетенцию и когнитивно-психические процессы языковой способности (тж. [Выготский 2008; Гальперин 1966]), и

– во внешнем (экстериоризированном) языке (*E-language*) – языке социального взаимодействия и коммуникативной компетенции [Dijk, 2014; Hymes, 1972].

В когнитивном измерении языка (*I-language*) релевантность обеспечивает процессы понимания высказывания и дискурса, их содержательную (пропозициональную, информационную) *наполненность* и *состоятельность*. В семиотическом и интеракционном аспектах (*E-language*) под релевантностью необходимо понимать *значимость* структурного элемента (*valeur*) для функционирования актуальной семиотической системы в процессе реализации системы языка [Соссюр, 1990: 67] в системе речевой интеракции [Dijk, 2009; 2014]. Тогда в семантико-прагматическом плане релевантность определяется как оценка приемлемости (истинности, актуальности, аргументативности и т.д.) того или иного значения/понимания для коммуникантов.

Релевантность речевого взаимодействия зависит от внутреннего когнитивного тезауруса (знаний), внешнего функционального контекста и интенционально-интерпретативного резонанса (взаимопонимания), отражающихся в сознании коммуникантов и в смысловой когерентности дискурса в ситуации его порождения и интерпретации. Другими словами, релевантность обусловлена *со-знанием коммуникантов*, в частности, совпадением – *резонансом* – когнитивных программ и интенциональностей «отправителя» и «получателя» (интерпретатора), которые в свою очередь зависят от ситуации общения, различных параметров речевого обмена, контекстуального эффекта, обусловленных условиями и предписаниями (ограничениями) речевого взаимодействия [Ирисханова, 2018; Sperber, Wilson, 1989; Sperber, 2007].

В рамках релевантного подхода к речевому взаимодействию процесс «передачи» знания, или «когнитивная трансакция» [Йокояма, 2005], как прототип модели «кодирования – декодирования» дополняется концептом *когнитивной среды* [Sperber, Wilson, 1986/1995], что уравнивает коммуникативную функцию языка с его биологической функцией адаптации организма к среде с последующим переходом к её регуляции. Такая концепция определяется как принцип «взаимной каузальной связи» в системе «человек – среда» [Кравченко, 2008: 190; Maturana, Varela, 1992]. То есть процесс речевой интеракции представляется не столько как «передача информации» и прескриптивное навязывание однозначного смысла

сообщения («кодирование–декодирование»), сколько как приведение в действие определенных структур в когнитивной области речевого взаимодействия, носящих *ориентирующий* характер. Консенсуальная область речевой интеракции – это когнитивное пространство собеседников, основанное на взаимной адаптации и адаптации к окружающей (социальной) среде [Ирисханова, 2014б; Кравченко, 2008].

Релевантность рассматривается в работе в трех коммуникативных ипостасях:

– как *категория лингвокогнитивная* (метаязыкового мышления) в преломлении к пониманию и «передаче» информации (смысла) в процессе межличностной коммуникации;

– как категория *когнитивно-дискурсивная* – в аспекте формирования смысла и взаимопонимания в речевом взаимодействии и в его жанровых реализациях;

– как *категория когнитивно-регулятивная* в преломлении к социально-коммуникативной системе в различных жанровых имплементациях (межличностное речевое поведение в обыденно-профессиональной и политической коммуникации).

Объектом исследования становится речевое взаимодействие как воплощение интересубъективной когнитивно-коммуникативной симметрии / асимметрии (ассонанс/диссонанс) в процессе создания обоюдного смысла, проявляющегося в трёх полярных прототипических манифестациях: понимание / непонимание; вера / неверие; согласие / несогласие, функционирующих в интенциональных прагматических стратегиях как определенных когнитивных моделях и последовательностях речевых актов (ср. [Ирисханова, 2014а]):

– **аддитивных**, направленных на:

– *обеспечение успешной речезыковой интеракции в общении (диалоге) посредством уменьшения интерпретационного усилия собеседника;*

– **неаддитивных**, направленных на:

– *обеспечение максимального когнитивного эффекта в общении (диалоге) посредством усложнения интерпретационного усилия собеседника;*

– **адаптивных**, ориентированных на:

– *выработку консенсуса в обыденной и профессиональной делиберативной когнитивно-коммуникативной интеракции, направленной на адаптацию когнитивных моделей и образование общего смысла в рамках определенной дискурсивной ситуации.* Адаптивные стратегии реализуются на метакогнитивном (рефлексивном) и метаречевом уровнях речевого взаимодействия.

Предметом исследования выступают базовые механизмы *дискурсивной* релевантности в совокупности когнитивно-речевых интеракций посредством разноуровневых средств их оязыкования.

За **единицу анализа** дискурса принимается речевая интеракция – отрезок коммуникативно-деятельностного континуума, ограниченный

когнитивными пространствами взаимодействующих коммуникантов в рамках определенной когнитивно-деятельностной ситуации взаимодействия и взаимной адаптации индивидуальных программ по достижению определенных целей. Интеракция как сложная рекурсивная единица дискурса состоит из элементов – речевых актов-высказываний, объединяемых в диалогические единства в рамках дискурсивного обмена большей или меньшей протяженности (ср. [Бахтин, 2000; Борисова, 2007; Григорьева, 2018; Goffman, 1987; Kerbrat-Orecchioni, 1990; 2005]). В самом общем виде релевантность определяется как *соответствие* одного элемента интеракционного отношения другому, взаимодействующему с ним элементу в рамках определенной коммуникативной задачи.

Гипотезой представляемого исследования является следующее положение: в адаптационных механизмах коммуникантов есть два взаимодействующих «когнитивных модуля» (Дж. Фодор) – один ориентирован на собеседника, другой на адаптацию к внешней (социальной) среде. Первый модуль взаимодействует со вторым, подчиняясь ему. Координация «внутренних релевантностей» собеседников (А. Шюц) в речевом взаимодействии происходит опосредованно – через ориентацию на общее когнитивное пространство – социальную и intersубъективную среду, в которой существуют коммуниканты. Общая релевантность речемыслеиспытательной интеракции зависит от *когнитивного ассонанса* (инференциальной настройки взаимодействующих когниций), *консонанса* (формирования общего смысла) и *когнитивного резонанса* (взаимопонимания и согласия) коммуникантов в процессе взаимной адаптации обоих модулей.

Гипотеза исследования конкретизируется в трёх положениях о релевантности в адаптационных механизмах речевого взаимодействия:

1) релевантность как фундамент intersубъективного смыслообразования и смыслообмена отличается *универсальностью, множественной типологией и градуальностью*, функционируя в пространстве речевого взаимодействия в этно- и социокультурных вариациях языкового воплощения;

2) релевантность высказывания превалирует над категорией истинности в особых контекстах, ситуациях и жанрах речевого взаимодействия. Градуальность релевантности имеет скалярное воплощение в интерпретационных процедурах понимания;

3) релевантность взаимной адаптации субъект-объектной и субъект-субъектной когнитивных сред достигается и маркируется разноуровневыми мета-организаторами речевого контакта: паравербальными, лексико-грамматическими, речеактовыми, дискурсивно-интеракционными.

Цель исследования – системное описание интеракционной природы феномена релевантности как когнитивно-дискурсивной доминанты в её функциональных реализациях речевого взаимодействия в обыденном и профессиональном дискурсах.

Цель работы предполагает решение следующих **задач**:

1) определить сущностную – семиотическую и когнитивно-коммуникативную – природу феномена релевантности;

2) рассмотреть в свете теории речевого взаимодействия *релевантность* в следующих ипостасях:

а) коммуникативный и когнитивно-дискурсивный механизм формирования речевых стратегий;

б) когнитивно-интеракциональная доминанта речевого взаимодействия;

в) когнитивно-дискурсивная доминанта речевых практик;

3) выявить и описать манифестации релевантности как когнитивно-коммуникативной категории;

4) установить поведенческую природу и телеологию релевантности, закономерности соблюдения и/или нарушения принципа релевантности субъектами коммуникации;

5) обосновать лингвокогнитивную универсальность феномена релевантности в её коммуникативных этнолингвистических манифестациях в речевой интеракции;

6) разработать критерии и стратегии системного описания релевантности как когнитивной доминанты интеракционального дискурса;

7) обосновать множественное представление релевантности как совокупности коммуникативных типов понимания в речевой интеракции;

8) выявить и описать структурную, лингвопрагматическую, социолингвистическую и этнолингвистическую специфику типов интеракциональных релевантностей в *ассонансных vs диссонансных* речевых интеракциях;

9) определить интеракционально-коммуникативные и речезыковые характеристики релевантности как категории межличностной и профессиональной интеракции в рамках обыденной и институциональной (парламентской) дискурсивных формаций.

Степень разработанности проблемы. Системных предметных исследований релевантности как коммуникативно-интеракционального феномена и когнитивной доминанты в обыденно-профессиональном и институциональном (парламентском) дискурсах в отечественной и зарубежной лингвистике до сих пор не предпринималось.

Разнообразные исследования речекогнитивного феномена релевантности восходят к философским концепциям Э. Гуссерля и А. Шюца, прагма-логической теории Г.П. Грайса [Грайс, 1985; Grice, 1979; 1991], к «Теории релевантности» (далее – «ТР») Д. Спербера и Д. Уилсон [Шпербер, Уилсон, 1988; Sperber, Wilson, 1986/1995] и др.

В зарубежной лингвистике различные подходы к изучению феномена релевантности составляют разветвленную парадигму (*framework*) междисциплинарных исследований, номенклатура которых, по нашим данным, насчитывает более 5500 наименований (монографии, статьи, тезисы докладов, рефераты, диссертации и т.д.) ([Попова, 2019; 2021; Clark, 2013; Yus, 2022]). В течение последних 35 лет теория релевантности была и

остаётся до сих пор одним из ведущих научных направлений в области когнитивной прагматики [Yus, 2022; Zvolenszky, 2015].

Это направление представляется как развернутая исследовательская программа (*research program*) [Allott, 2013; Zvolenszky, 2015], опирающаяся на фундаментальные положения и разработанный понятийно-терминологический аппарат [Sperber, Wilson, 1986/1995], дополненный Д. Блэкмор [Blakemore, 1987; 2002], Р. Карстон [Carston, 2002] и др.

Идеи «ТР» реализуются в теории информации и информатике [Ferre, 2018; Tokimoto, 2015], в теории сознания (*Theory of Mind*), ментальной архитектуры, метарепрезентаций и т.д. [Becker, 2014; Recanati, 2010; Wearing, 2010; Wilson, 1999], в семиотике [Clark, 2013; Tiercelin, 1995], в лингвистике в различных аспектах: в стилистике и риторике [Pilkington, 2000; Sperber, 2007; Unger, 2006], переводе [Gutt, 2010], морфологии [Wałaszewska, 2017], грамматике (наклонение и модальность, аспект и др.) [Berbeira, 1998; Moeschler, 1993]; лексикологии [Wałaszewska, 2015; Wilson, Carston, 2007], дескриптивной лингвистике [Berbeira Gardón, 1998; Unger, 2006], социокогнитивном подходе [Dijk, 2008; 2009; Santibáñez, 2012], теории коммуникации [Cruz, 2016a], медийной дискурсологии [Yus, 1999], лингводидактике [Salins, 1992], в предметных исследованиях: метафора [Allott, 2013; Carston, 2010; Sperber, Wilson, 2008; Tendahl, 2009; Zvolenszky, 2015], юмор, ирония [Wilson, 2006; Yus, 2016], аргументация [Walton, 2004], теория вежливости и фатическая коммуникация [Alba Juez, Mackenzie, 2016; Cruz, 2007; Santibáñez, 2012; Watts, 2003], прагма-дискурсивные маркеры [Blakemore, 2004; Fraser, 2015; Waltereit, 2007], гендер [Turnbull, Berryman, 2016] и др.

В отечественном языкознании «тренд» теории релевантности не был активно подхвачен лингвистами, что отмечено в работах [Ирисханова, 2014а; Кубрякова, 2014; Кульмухаметова, 2006; Правикова, 2002]. Однако существование идеи релевантности и связанные с ней проблемы разрабатывались В.З. Демьянковым в его «Теории интерпретации» и другими российскими учёными во многом в корреляции с исследованиями Г.П. Грайса, Дж. Серля, Д. Спербера, П. Стросона и др., а в дальнейшем в работах отечественных ученых в ракурсе справочных обзоров [КСКТ; Макаров, 2003; Сусов, 2006], в аналитических исследованиях, предметно раскрывающих суть «Теории релевантности» [Попова, 2004; Правикова, 2002] и некоторых частных аспектов категории релевантности [Алферов, 2005; Антошина, 2019; Болдырев, 2017; Гусаренко, 2014; Ерещенко, 2015; Ирисханова, 2014а; Харитончик, 2019], языковых феноменов в свете ТР [Барель, 2022; Воронина, 2020; Голубева, 2019; Иваненко, 2014; Кожухова, 2013; Крестинский, Кудряшов, 2021; Минеев, 2021; Россихина, Икатова, 2021; Солнцева, 2018].

Многие коррелирующие вопросы были подняты в разработках по тематике коммуникативных неудач (КН) [Ермакова, Земская, 1993; Йокояма, 1998; Кънева, 1999; Смирнова, 2003; Мустайоки, 2015 и др.], изучению имплицитности [Арустамян, 2011; Бондарко, 2006; Ермакова, 2010; Имплицитность, 1999; Нефедова, 2001 и др.], непрямой коммуникации

[Гоготишвили, 2006; Дементьев, 2000 и др.], когнитивной лингвистики, в частности, по проблемам инференции [Водоватова, 2007; Дроздова, 2003; 2015; Кубрякова, 2004; 2012; Молчанова, 1988; 2007; Петрякова, 2014 и др.] и аттенциональности [Ирисханова, 2014а; Петрова, 2017 и др.], психолингвистическим проблемам языкового сознания [Залевская, 2005; 2012; 2018; Седов, 2016 и др.], интеракциональной парадигме [Алферов, 2007а; Попова 2004а,б и др.]. Субъективность релевантности проявляется в понятийном аппарате теории эмпатии и интеракциональной категории «точки зрения» [Thompson, 2005].

Таким образом, феномен релевантности значительно шире, нежели перспектива, заданная «Теорией релевантности» Д. Спербера и Д. Уилсон (см. [Попова, 2019; 2021; Dijk, 2008; 2009]). Презумпцией нашего исследования становится положение о недостаточном проникновении в разносторонние механизмы интеракциональной природы феномена релевантности, реализующиеся в речевом взаимодействии, учитывая множественность ипостасей феномена релевантности в междисциплинарном антропоцентрическом научном знании.

Результатом проведенного диссертационного исследования являются следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Релевантность – функциональное свойство речевого взаимодействия, отражающее закономерности речевого поведения, – является когнитивно-прагматической категорией, реализуемой когнитивными и поведенческими (социопсихологическими) механизмами в порождении и интерпретации высказывания в рамках речевой интеракции.

2. Релевантность как фундамент intersубъективного смыслообразования и смыслообмена отличается *универсальностью, множественной типологией и градуальностью*, функционируя в пространстве речекогнитивной деятельности человека, речевого взаимодействия в социокультурных вариациях понятийного и языкового воплощения (дискурсивных формациях).

3. Релевантность речевого взаимодействия, субъективная и градуальная, регламентируется как институциональными нормами, так и индивидуальными интенциональными состояниями коммуникантов.

4. Релевантность характеризует процесс порождения и восприятия речи. В речевом взаимодействии реализуется релевантность *порождаемого смысла высказывания* и релевантность *интерпретации*, что в совокупности образует общий смысл речевой интеракции через механизмы понимания и взаимопонимания. Нарушение релевантности рождает когнитивно-коммуникативную асимметрию и диссонанс.

5. Релевантность лежит в основе акцептации и достижения согласия как когнитивного *ассонанса* и *консонанса* в аргументативных и делиберативных речевых интеракциях, в дискурсе принятия решения. Объективно-субъективные противоречия коммуникантов могут повлечь нарушения успешности речевого взаимодействия. Категория релевантности есть воплощение коммуникативной оппозиции: *речекогнитивного ассонанса*,

консонанса и резонанса, с одной стороны, и когнитивно-коммуникативного *диссонанса* в субъект-субъектной и субъект-объектной векторности системы «адресант – объект – адресат».

6. *Пертинентность* как персональная релевантность участника акта коммуникации рассматривается как соответствие информативной, иллокутивной, интерперсональной, аргументативной интенциональностей *адресанта* интенциональным потребностям *адресата*. Взаимная *пертинентность* коммуникативного акта рождает когнитивно-коммуникативный *резонанс* когнитивных моделей коммуникантов, коммуникативно-психологическое взаимопонимание. *Пертинентность* может нарушать принцип оптимальной релевантности (уменьшения интерпретативных усилий) для получения максимального контекстуального эффекта (метафора, юмор, прецедентность и др.). Высшая степень пертинентности – *когнитивный катарсис* («радость понимания»).

7. Отсутствие пертинентности (конклюзивной релевантности) приводит к когнитивно-коммуникативному *диссонансу* в его градуальных манифестациях *нерелевантности* и *иррелевантности* речевого акта (поведения). *Нерелевантность* трактуется как слабая степень манифестации коммуникативного диссонанса, как категория «коммуникативного безразличия», не затрагивающая напрямую интересов партнера по коммуникации. *Иррелевантность* акта речи (информации) понимается как наносящая ущерб коммуникативным (и др.) интересам собеседника (диффамация, «фейк» и т.п.).

8. Релевантность высказывания намеренно актуализируется и фокусируется в метакоммуникативной интеракции при употреблении определенных речезыковых форм, несущих акцентируемое имплицитное содержание (непрямая коммуникация, фигуральное значение): *намёк, аллюзия, подтекст, метафора, ирония, юмор, интертекст (прецедентность)*. Такие не прямые формы референции становятся когнитивными доминантами в некоторых жанрах и жанровых деривациях, но и широко представлены в обыденном дискурсе.

9. Релевантность может рассматриваться как одна из категорий дискурсивной грамматики, отражающей когнитивно-прагматическую компетенцию участников речевого взаимодействия. Обеспечение механизмов релевантности в речи достигается при помощи разноуровневых дискурсивных маркеров релевантности (полимодальных: жестовых, просодико-фонетических, синтактико-грамматических, лексико- и фразеосемантических) – «тетических» элементов высказывания, регуляторов речевого взаимодействия, выполняющих роль триггеров и коммуникативно-прагматических манифестаций речевого поведения, представляемых в исследовании как *дискурсивные маркеры релевантности*.

10. Релевантность пропозиции лежит в основе консенсуса как прототипической основы делиберативной институциональности. Достижение консенсуса основано на когнитивно-прагматическом механизме установления релевантности пропозиций, взаимодействующих посредством

высказываний в дискуссионном поле коллективного ментального пространства акторов парламентского делиберативного процесса. Концептуализация в парламентском дискурсе отличается противонаправленными пропозиционально-аргументативными векторами, которые возникают в трех тесно связанных аспектах – событийно-фактуальном, риторико-аргументативном и конвенционально-конклюдивном. Последний определяется механизмом корпоративной (партийной, групповой) релевантности в условиях парламентских дебатов.

11. Наряду с выделяемой *интерпретативной* макрофункцией языка – необходимо причислить к языковым макрофункциям – **адаптивную функцию языка** как функцию регуляции и гармонизации речевой интеракции, инструментом которой являются описанные в работе механизмы релевантности.

На основе выдвинутых положений мы приходим к следующему определению релевантности в речи:

Релевантность – категория дискурсивной грамматики, динамическая и субъективно-компетентностная, отражающая степень успешности речевого взаимодействия с точки зрения участников речевой интеракции, процесса и результата взаимодействия, когнитивных и коммуникативных компетенций коммуникантов, имеющая разноуровневые средства реализации – регулирования и вербализации.

В основу **методологии** исследования ложится метод дискурсивной *интеракциональной когнитивной* семиотики с опорой на исследования [Болдырев, 2019; Демьянков, 2017; Златев, 2016; Ирисханова, 2014в; Кубрякова, 2001; 2004; Moeschler, 1988; Peirce, 1978; Tiercelin, 1995; Tokimoto, 2015; Zima, 2015; Zlatev, 2012]). В методологической перспективе исследование направлено на дальнейшую разработку общей проблематики взаимоотношения языка и мышления [Кацнельсон, 2002; Кибрик, 2015; Павилёнис, 1993; Потеня, 1999; Серль, 2002; Шюц, 1988; 2004; Astington, 2005; Baars, 1997; Chomsky, 2000; 2006; Fodor, Pylyshyn, 2015; Récanati, 2008; 2010; Searle, 1985], теории интерпретации [Болдырев, 2011; Григорьева, 2018; 2019; Демьянков, 1989; 1994; Растье, 2001; De Brabanter, 2009; Halliday, 1978; Recanati, 1989; 2004; 2010], теории импликации и имплицитности [Кубрякова, 2004; Никитин, 1988; Павилёнис, 1993; Серль, 2004; Ducrot, 1984; Grice, 1957; Kerbrat-Orecchioni, 1986], интеракционально-инференциальной модели речевого взаимодействия [Grice, 1991; Sperber, Wilson, 1986; 1995].

В рамках общей методологии применялись традиционные и **инновационные методы исследования**: дефиниционный анализ, метод когнитивно-концептуального картирования; *метод полярной монологизации (нарративизации) речевой интеракции*, технология выявления типичных контекстов; лингвопрагматическое сопоставление языковых и речевых средств; полиаспектный анализ, включающий дистрибутивные,

оппозитивные, интерпретативно-имплицативные, типолого-квантитативные технологии.

Теоретическая база исследования включает работы, внесшие значимый вклад в разработку и степень освещенности поставленной проблемы. Прежде всего это программные работы по когнитивной концепции дискурса и речевого взаимодействия Н.Н. Болдырева, Г.П. Грайса, В.З. Демьянкова, О.К. Ирисхановой, В.И. Карасика, А.А. Кибрика, А.В. Кравченко, Е.С. Кубряковой, Т. ван Дейка, Д. Герертса, Ф. Реканати, Д. Спербера, Д. Уилсон, Н. Хомского и др.; исследования структурно-функциональной и дискурсивной парадигмы В.Г. Борботько, В.Г. Гака, М.А.К. Халлидея, П. Шародо и др.; социокогнитивной парадигмы П. Бурдые, В.И. Карасика, Р. Карстон, Ж. Фоконье, М. Фуко, А. Шюца и др., семиотики Ч.С. Пирса, У Эко и др.; интеракциональной парадигмы языка и речи М.М. Бахтина, Д. Гампертса, Э. Гофмана, Дж. Лича, К. Кербрат-Орекиони, Ж. Мёшлера, Дж. Серля, Д. Хаймса и др.

Материалом исследования послужил речезыковой корпус объемом более 10 000 контекстов, зафиксированных в трех форматах:

– корпус текстов, собранных в процессе изучения речевой интеракции (2004–2022 гг.) из французских, русских и английских литературных произведений и их переводов, отраженный частично в монографиях [Попова, 2013; 2017; 2019], в том числе электронный корпус *Etude Linguistique de la Communication Parlée* (ELICOP), корпус FRANTEXT (5415 статей, 254 млн. слов); Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и параллельный русско-французский подкорпус;

– корпус транскриптов американского телесериала «House, MD», в объеме около 120 000 реплик, из которых проанализировано около 1500 реплик с переводом телекомпании «Lost Film».

Новизна исследования. Впервые в рамках рассмотрения речекогнитивного феномена релевантности были предложены корреляции интеракциональной перспективы в виде стадияльной концепции когнитивно-коммуникативного ассонанса (*консонанс, резонанс*) и диссонанса (*коммуникативный сбой, коммуникативная аномалия* и т.д.). Научная новизна работы определяется следующими полученными автором практическими и теоретическими результатами: проведён междисциплинарный анализ категории релевантности, выполнено когнитивное картирование межпредметных корреляций релевантности в преломлении к речекогнитивному взаимодействию; показана имманентная семиотическая сущность релевантности, заложенная в речезыковом знаке, доказана корреляция между релевантностью и интерпретантой знака; раскрыт механизм градуальности проявлений релевантности с дифференциацией понятий *релевантности* и *пертинентности*, в приложении к процедуре лингвистического анализа; выработана модель реализации трёх типов речекогнитивных стратегий: *аддитивных, неаддитивных* и *адаптивных*; разработан понятийный аппарат для моделирования и описания категории релевантности в речевой интеракции

(внешняя и внутренняя релевантности; вторичная релевантность; личностная релевантность; оппозиция интерактивная/интеракциональная релевантность; стадильность речекогнитивного консенсуса: ассонанс, консонанс, резонанс; регулируемый/нерегулируемый диссонанс; когнитивно-коммуникативный шифтинг; метарефлексы и метарефлективы и др.); представлены схемы когнитивного картирования релевантных аспектов речевого взаимодействия; смоделирован способ иллюстрации и экспликации социокультурных контекстов релевантности на материале русского, французского и английского языков; создан метод анализа дискурсивной релевантности в интеракциональной структуре разножанрового дискурса; раскрыт семиотический механизм формирования полимодальных триггеров и маркеров (рефлексов и рефлексивов) релевантности в речевом взаимодействии.

Теоретическая значимость основных результатов исследования обусловлена существенным вкладом в разработку теории языкового и дискурсивного значения, интеракциональной лингвистики, грамматики речи, теории дискурса и профессиональной коммуникативной интеракции (делиберативный диалог), выработана методика определения дискурсивных конститутивных релевантных признаков. Теоретическая значимость исследования состоит также в выдвигании концепции сравнительной релевантности обыденного и профессионального дискурсов, в частности, делиберативной коммуникации. Когнитивно-семиотический подход, представленный в работе, позволил выработать системное представление (модель) коммуникативной релевантности как **релевантной структуры** делиберативного (обыденного и профессионального) дискурса.

В методологической перспективе исследования обыденного и профессионального дискурсов использованы оригинальные методы и технологии когнитивно-интеракционального анализа: получила развитие теория релевантности, теория речевого взаимодействия, когнитивно-дискурсивный метод, когнитивная семиотика и др.

Основные выводы работы способствуют углублению представлений о феномене релевантности и взаимопонимания, моделированию процессов смыслообразования и смыслообмена. Предлагаемая в работе концептуализация и категоризация релевантности как теоретического конструкта позволяет, с одной стороны, обобщить речезыковые явления, рассматриваемые в отрыве друг от друга, а с другой, – дифференцировать лингвистические механизмы, рассматриваемые в рамках онтологически общих и полипарадигмальных категорий (успешность коммуникации, интерпретационное усилие, коммуникативная неудача, когнитивный диссонанс и др.).

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности применения выводов и собранного эмпирического материала в изучении когнитивно-прагматической дискурсивной модели речевого взаимодействия. Проведенный анализ может служить базой для дальнейших изысканий в аспекте интеракциональной

перспективы когнитивно-дискурсивной парадигмы, в исследовании манифестаций релевантности в других видах дискурса (деловом, рекламном, педагогическом и др.). Материал и результаты анализа можно использовать в дальнейшем исследовании когнитивно-семиотических форм речевой интеракции в разных языках, в типологических и характерологических исследованиях речевого общения в людическом и полемическом диапазоне с выявлением коррелятивных средств маркирования релевантности, а также при разработке курсов сопоставительной типологии английского, французского и русского языков, коммуникативной грамматики. Дидактическая значимость исследования состоит в возможности применения результатов исследования в развитии навыков и техник критического мышления, интеракциональной компетенции – развитие методологии аргументативного и полемического воздействия, в курсах и спецкурсах по теории языка, когнитивной лингвистике, теории текста и дискурса, политической лингвистике, а также лингвистической аргументации.

Достоверность полученных результатов диссертационной работы обусловлена разноаспектным анализом и обобщением основных концепций отечественной и зарубежной лингвистики и смежных областей знания по изучаемой проблематике, комплексным применением соответствующих методов исследования в целом; исследованием достаточного корпуса эмпирического материала в различных форматах – текстовом (скрипты речевого взаимодействия, художественные диалоги) и дискурсивном полимодальном (анализ видеоряда телевизионных интервью, предвыборных дебатов, художественных и телевизионных фильмов).

Апробация положений и выводов исследования осуществлялась в форме докладов, отраженных в материалах XI Международного конгресса по когнитивной лингвистике (Москва, 2022); VI международной научной конференции «Язык и действительность» (Москва, 2022); Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» (Новосибирск, 2022); Международной научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме» (Москва, 2021); Международного лингвистического конгресса «Языки мира – мир языков» (Пятигорск, 2022); Международной научной конференции «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Нижний Новгород, 2021); Круглого стола «Методы когнитивной лингвистики: гордость или предубеждение?» (Москва-Тамбов, 2021); Международной научной конференции «Антропологический поворот: теории и практики» (Орёл, 2021); Международной научной конференции «Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты» (Воронеж, 2021); Международной научной конференции «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы» (Тамбов, 2020); Круглого стола «Языки, культуры, модальности: интеграция методов когнитивных исследований языка» (Москва, 2019); XVI Березинских чтений «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, 2019); Международной научной

конференции «Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы» (Казань, 2018); 62-й Международной научной конференции Астраханского государственного технического университета (Астрахань, 2018); Международной научной конференции «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018) и др. Результаты исследования прошли апробацию в рамках научного проекта, поддержанного РГНФ (грант № 14-04-00029) «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза: Великобритания, Германия, Франция. Европарламент. (2014-2016 гг.)».

По теме проводимого исследования опубликовано 76 работ общим объемом около 60 п.л., в том числе, статьи в научных журналах и сборниках научных трудов (8,5 п.л.), тезисы докладов (6 п.л.), 4 монографии (33 п.л.) и 24 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК (12,5 п.л.).

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, 6 глав, выводов и Заключения. В **первой главе** проводится междисциплинарный анализ категории релевантности, раскрывается феноменологическая сущность релевантности, понятийный диапазон метакатегории релевантности в различных областях знания – юриспруденции, теории аргументации, теории информации; выполняется когнитивное картирование межпредметных корреляций релевантности; выводятся фундаментальные свойства когнитивно-коммуникативного феномена релевантности. **Вторая глава** посвящена семиотической и лингво-коммуникативной природе релевантности, отражающейся в статике и динамике когнитивно-коммуникативной интеракции. Рассматриваются корреляции категорий семиотической значимости и интерпретанты в преломлении к процессу смыслообразования в коммуникации; показана имманентная семиотическая сущность релевантности, заложенная в речезыковом знаке. В **третьей главе** рассматриваются процессы интерпретативной инференции в обоюдной когнитивной среде субъектов речевого взаимодействия, приводятся факторы формирования релевантности РВ; осуществлено концептуальное картирование семио-когнитивной модели речевой интеракции. В **четвертой главе** разрабатываются критерии системного описания релевантности как когнитивной доминанты интеракционного дискурса. В **пятой главе** описываются мультимодальные метакоммуникативные манифестации релевантности в речевой интеракции, осуществляется семиотическое моделирование системы маркеров дискурсивной релевантности. В **шестой главе** рассматриваются имплементации релевантности в институциональной (парламентской) коммуникации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Категория релевантности в лингвистике признается когнитивной и прагматической категорией, связывающей *смысл адресанта* и *интерпретацию адресата* (аудитории) с ситуацией речевого взаимодействия и интеракциональностью речевого действия, погруженного в социум [Болдырев, Дубровская, 2016; Гофман, 2003; Ирисханова, 2014б; Schutz,

1970]. Её эпистемический статус соответствует уровню лингвокогнитивной метакатегории, отражающей наиболее общие закономерности концептуализации и функционирования языка и речи в пространстве социально-коммуникативной интеракции. Кроме того, релевантность относится к метаязыковому спектру речезыковой деятельности, направленному на регуляцию языкового употребления и речевого поведения, возникающему в результате когнитивно-языковой рефлексии [Вепова, 2003; Рябцева, 2017; Sperber, 2013], восходящей к *непрескриптивным* правилам организации речевого взаимодействия [Grice, 1991; Leech, 2014 и др.].

Исходя из феноменологии Э. Гуссерля, представленной в **первой** главе диссертации, любое восприятие уже содержит проблему выбора. В любом перцептивном поле необходимо выделяются элементы, которые становятся «темой» рассуждения и оценки («тематизации» и «интерпретации») [Гуссерль, 2009: 139]. Одна и та же перцепция может интерпретироваться по-разному одновременно. Эти альтернативные интерпретации могут конкурировать между собой, создавая «проблематичные возможности» актуализации. Последователь феноменологии Э. Гуссерля, А. Шюц выдвинул идею о *релевантности* как феномене, лежащем в основе стратификации «жизненного мира» [Шюц, 2008: 74]. В общей «стратификации мира» А. Шюц вывел три основные взаимозависимые составляющие психосоциальной системы релевантности: *актуальные релевантности*, *интерпретационные релевантности* и *мотивационные релевантности*, отражающие проблематизацию объекта в перцептивном поле, имеющийся *запас знаний* для понимания **смысла** того, что воспринимается, поведение субъекта по отношению к воспринимаемому фрагменту действительности. В основе социопсихологической релевантности лежат категории intersубъективной интенциональности и социальной мотивированности. Из концепции социальной феноменологии, помимо операциональных понятий и терминов, вытекают два фундаментальных когнитивных механизма психосоциального феномена релевантности – проблематизация и интерпретация, то есть постановка релевантной проблемы и её рассмотрение с целью оценки причин и последствий для дальнейшего принятия решения. Инструментом этого процесса является когнитивная интерпретация, отражаемая в мышлении и языке и выраженная в вербальной коммуникации. Еще одним условием релевантности является интеракция как субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие. Эти три механизма рождают, в частности, делиберативную коммуникацию – обсуждение темы (проблемы) в самом широком смысле этого слова.

Социо-психологические корни, выделенные феноменологической философией и социальной психологией, отражающие трансцендентальность феномена релевантности, прорастают в понятийном аппарате многих актуальных отраслей знания. В *дискурсе права* – определяются три типа релевантности – *вероятностная*, или логическая; *юридическая*, основанная на законе и прецедентных судебных решениях; *релевантность доказательств*, определяющая достоверность факта, имеющего значение в

рассмотрении дела [Gabbay, 2010]. Эти имплементации релевантности тесно связаны с логической и аргументативной теориями релевантности [Лисанюк, 2021; Walton, 2004], в каждой из которых главной перспективой является моделирование аргументативных рассуждений. Согласно Р. Джонсону, релевантность в аргументации в основном связана с тремя аспектами: 1) *актуальной тематической релевантностью*, т.е. имеют ли приводимые аргументы отношение к обсуждаемому предмету; 2) *внутренней релевантностью*, т.е. соответствуют ли положения, понимаемые как посылки, выводам, выдвинутым одной из сторон; 3) *релевантностью аудитории*, т.е. имеют ли посылки и аргументы отношение к слушателю или слушателям, на которых направлено аргументативное воздействие [Johnson, 2000: 42-43]. Таким образом, в социальных науках *релевантность* представляется как: 1) *феномен градуально-относительный* (что может быть релевантным для пропонента, может быть менее релевантным для аудитории); 2) *феномен процессуально-динамический* (что может показаться неуместным в начале диалога, может стать важным на более поздней стадии); 3) *феномен процессуально-проблематический*, который можно проиллюстрировать как бытовыми обменами, так и институциональными речевыми взаимодействиями.

В теории информации релевантность понимается в техническом смысле как «эффективность поиска» и как «соответствие полученной информации информационному запросу». Критерий эффективности информационно-поисковых систем – *пертинентность* – определяет степень соответствия между *релевантностью* извлекаемой системой запрошенной информации (формальная релевантность), и *субъективной релевантностью* для данного пользователя (личностная релевантность). Концептуальная интеграция и *междисциплинарный подход* позволяют, помимо отличий, выделить интегральные черты – факторы, составляющие **понятийное ядро коммуникативной (информационно-лингвистической) релевантности**. В него входят следующие концептуальные признаки релевантности: 1. Отношение: релевантность возникает при появлении (выражении) отношения к определенным объектам и свойствам, часто в коммуникативных обменах, в которых участвуют люди, информация и информационные объекты. *Релевантность относительна, субъективна и скалярна* (имеет степени реализации). 2. Интенциональность: выражение отношения релевантности предполагает интенциональное состояние (направленность на объект) и намерения – цели, роли, ожидания, мотивация. 3. Контекст: намерение в выражении релевантности всегда исходит из контекста и направлено на этот контекст, в частности: 3.1. *Внутренний контекст*: релевантность включает когнитивные и аффективные состояния. 3.2. *Внешний контекст*: релевантность направлена на ситуацию, задачу, текущую проблему. Также могут быть задействованы социальные и культурные компоненты. 4. Выводное знание: релевантность предполагает оценку и создается или «выводится» на логической и аксиологической основе. 5. Отбор: вывод включает отбор из конкурирующих инференций, направленный на

максимизацию результатов и/или минимизацию усилий по обработке результатов. 6. Взаимодействие: вывод осуществляется как динамичный, взаимодействующий процесс с постоянным изменением соотношения и структуры в зависимости от изменения контекста. 7. Градуальность: релевантность включает в себя поэтапную качественную и/или количественную оценку эффективности или *степени максимизации* заданного отношения, например, оценку значимости некоторой запрашиваемой информации, для намерения, ориентированного на контекст (деятельностную ситуацию) (ср. [Saracevic, 2007a: 1920]).

Во **второй главе** рассматривается перспектива интеграции кодовой, инференциальной и интеракциональной моделей коммуникации [Макаров, 2003] на основе взаимной дополнительности в рамках когнитивно-дискурсивного метода и метода интеракциональной семиотики. Основанием для интеграции служит очевидная корреляция и тесная взаимосвязь между семиотическими и когнитивными механизмами дискурса, ориентированными на интеракциональные параметры коммуникации [Болдырев, 2017б; Кубрякова, 2001; Alba-Juez, 2016; Langacker, 2013].

Свойство функциональной *значимости* речезыкового знака является фундаментальным свойством, определяющим динамику отношений между планом выражения (ПВ) и планом содержания (ПС), которая сводится к балансу их (а)симметричности в функционировании системы языка-речи [Гак, 1980; Ельмслев, 2006]. В дискурсе, помещенном в деятельностный контекст (дискурсивную формацию), релевантность языкового знака коррелирует с произведенным эффектом: чем более релевантным становится употребление знака в данном внешнем и внутреннем контексте, тем эффективнее его функционирование (речевое воздействие) [Dijk, 2008]). С другой стороны, значимость как внутренняя форма (интерпретанта) опознается в речевом взаимодействии благодаря когнитивно-интерпретативной компетенции коммуниканта. Таким образом, любой речезыковой элемент характеризуется той или иной степенью релевантности в употреблении в силу имманентности своей значимости в системе и структуре языковых знаков. Тем не менее, актуальная релевантность языкового элемента обеспечивается не закрепленной за ним семантикой, а употреблением в контексте речевой интеракции. Под *динамическим языковым знаком* может пониматься любой языковой знак, в котором отношение между означающим и означаемым подвижно, не подвержено конвенциализации и требует интерпретации. В основе семиозиса такого знака лежит интенциональная асимметрия плана выражения и плана содержания. Эта асимметрия может быть окказиональной, либо узуально-системной с точки зрения жанровой нормы (языковая игра, каламбур, шутка, анекдот, загадка и т.п.). Эти языковые феномены построены на первичной «нерелевантности» отношения ПС и ПВ. В речевой интеракции на общее знание кода накладывается умение правильно активировать имеющееся знание, умение осуществлять выдвижение наиболее актуального знания в когнитивный фокус речевого действия и т.д. Это умение получает название

процедурной компетенции [Йокояма, 2005: 208]. Совокупность кодовой и процедурной компетенций представляется как *коммуникативная компетенция* [Hymes, 1972], включающая знание дискурсивной ситуации.

Предложенные Г.П. Грайсом импликатуры речевой интеракции (*conversational implicatures*) – это компоненты содержания высказывания, не входящие в собственно смысл сообщения и в то же время с достаточной надежностью определяющие когнитивно-коммуникативную интеракцию – от говорящего к слушающему и обратно. Однако интерпретативные импликатуры, которые вытекают из соблюдения максим, могут корректироваться, заменяться новыми, их нормативность может изменяться со временем, с обстоятельствами или социокультурным контекстом [Heinich, 2017]. Поэтому в качестве главного принципа успешного общения предлагалось общее метаправило: «выбирай такое речевое действие, которое – при прочих равных условиях – наиболее эффективно и наименьшей ценой достигает заданной цели» [Kasher, 1976: 205]. Такая редукция была окончательно воплощена Д. Спербером и Д. Уилсон в «Теории Релевантности» («ТР»), постулирующей единый Принцип Релевантности, который определяет механизмы выведения актуального смысла высказывания в речевой ситуации: каждый акт остенсивно выраженного сообщения, т.е. жест, высказывание и т.д., «обладает презумпцией своей собственной релевантности» [Sperber, Wilson, 1995: 162]. Любая конечная интерпретанта (смысл) будет обладать для отправителя и для получателя своей субъективной релевантностью. При этом релевантность интерпретатора может либо совпадать (ассонанс), либо диссонировать с релевантностью отправителя в той или иной степени – относительно (нерелевантность) или критически (иррелевантность) [Newcomb, 1953]. В случае несовпадения релевантностей отправителя и получателя сообщения, коммуниканты пытаются выяснить смысловую интенцию собеседника, часто путём взаимных экспликаций своих метарепрезентаций – представлений о ментальной модели собеседника (*recipient design* [Blokpoel, 2012]) на метакоммуникативном уровне. Метакоммуникативный обмен строится на основе стратегии координации ментальных моделей и поиска согласования метарепрезентаций собеседников. При расхождении моделей диалог может приобретать полемический характер, если ментальные модели собеседников не совпадают, что и вызывает когнитивный диссонанс и метакоммуникацию. При этом рефлексивное осознание обоюдной концептуальной репрезентации становится в условиях (речевой) интеракции метарепрезентацией, диалогически охватывающей оба коммуницирующих сознания [Cruz, 2007].

Возникающая связь между двумя сознаниями – (взаимо)понимание – имеет сложную уровневую организацию, оформленную как общее когнитивное пространство (интеръеризированная среда) [Sperber, 2012], получившее также название «интерсубъективности» [Zlatev, 2014: 255], общего знания (*common knowledge*) [Lewis, 1983], разделяемого знания (*shared knowledge*) [Snowden, 2002] или взаимного знания (*mutual knowledge*) [Демьянков, 1989; Schiffer, 1972], основанных на фактическом предзнании

[Кубрякова, Александрова, 1999] того или иного кода (языкового, когнитивного, эпистемического) и массы релевантных языковых и энциклопедических знаний. При этом Г. Кларк трактует взаимное знание как «общую точку зрения», которая связана не столько с истинностью и достоверностью набора утверждений, сколько с понятием **взаимной веры** или взаимных полаганий и предположений (*beliefs & assumptions*) [Clark, 1981]. Презумпцией взаимопонимания А. Шюц считает совпадение («резонанс») «внутренних релевантностей» участников социальной интеракции [Schutz, 1970: 43]. Очевидно, что такому обоюдному доверию противопоставлен режим «эпистемической бдительности» (*epistemic vigilance*), контролирующей источник информации и его объективность [Sperber, 2013]. По мнению Т. ван Дейка, поскольку содержание речи определяется не столько социальной (деятельностной) ситуацией, сколько субъективной интерпретацией её ситуативной модели, дискурсы отражают не сам социальный контекст (действительность), а субъективные ментальные модели контекста, конструируемые агентами коммуникации [Dijk, 2009: 59]. Контекст как деятельностный континуум, в который вовлечены субъекты речевой интеракции, образует субъективную когнитивную базу, хранящуюся в долговременной памяти индивидуума, его когнитивный опыт, актуализирующийся в операциональной памяти в процессе речевого взаимодействия [Ferrier, 2010]. Субъективные (индивидуальные) контекстные модели как когнитивные репрезентации (скрипты, фреймы, сценарии) социальных объектов (событий, действий, акторов) пересекаются в процессе общения, образуя общее контекстуальное пространство субъектов интеракции. Эти феномены включаются теорией релевантности в фундирующую интерпретацию контекста во внутреннем – когнитивном – представлении в рамках когнитивной среды коммуникантов (Д. Спербер, Д. Уилсон). Помимо общих знаний, «*обоюдная когнитивная среда*» (*mutual cognitive environment*) содержит совокупность логико-инференциальных операций с явными и неявными полаганиями и впечатлениями (*beliefs and impressions*), опирающимися на мультимодальную информацию, наполняющую процесс речевой интеракции. Таким образом, в когнитивной среде субъекта обрабатывается информация, которая интерпретируется не столько на основе (пред)знания, сколько обладает когнитивным признаком *проявленности* (*manifestness*), **очевидности** для коммуникантов «здесь и сейчас» [Sperber, Wilson, 1986]. Именно на основе полаганий («мнений») и впечатлений коммуниканты создают посредством интерпретативных гипотез (*assumptions*) операциональный *интерпретационный тезаурус* речевой интеракции. Интерпретация высказывания в рамках инференциальной концепции коммуникации есть поиск контекстов, в которых данное высказывание имеет смысл (если он не равен буквальному значению), то есть соответствует тому, что хотел сказать его отправитель (*speaker's meaning*) [Grice, 1991]. Релевантность сообщения (мимики, жеста, слова, высказывания) прямо пропорциональна получаемым когнитивным эффектам (смыслам) и обратно пропорциональна затрачиваемым адресатом интерпретационным усилиям по

исчислению финальной интерпретанты (смысла) знака-сообщения. Для облегчения интерпретативной задачи адресант предоставляет адресату триггеры релевантности, которые могут иметь невербальное выражение (мимика, интонация, кинесика). Вербальные триггеры, как правило, рассматриваются и исследуются как «дискурсивные маркеры» релевантности [Blakemore, 2002; 2004]. Такие стратегии, вслед за О.К. Ирисхановой, можно называть **аддитивными**, нацеленными «на передачу фактуальной информации с наименьшими потерями, на максимизацию объема предоставляемой информации, ее последовательности и точности» [Ирисханова, 2014а: 250]. В силу инференциальной природы коммуникации, преобладающей над процессом «кодирования-декодирования», коммуниканты активно используют возможности не прямой коммуникации [Дементьев, 2001], то есть постоянно эвристически и спонтанно прибегают к **неаддитивным стратегиям** (О.К. Ирисханова), применяемым не только к **импликатурам** – подразумеваниям и интенциональной имплицитности, но и к пониманию коннотаций, многозначности, метафор и т.п. как результату инференциальных **экспликатур**.

Существует множество контекстов, связанных с динамикой речевого взаимодействия, с креативностью субъекта коммуникации, соблюдением или нарушением принципов кооперации и вежливости, которые приводят к употреблению сложно-релевантных форм. Неаддитивные стратегии рожают *ad hoc-концепты*, которые создаются процессами концептуальной интеграции (блендом) различных ментальных пространств (метафора, метонимия, гелотогенный смысловой сдвиг – юмор: острота, шутка, ирония, нонсенс и проч.). Появляется **вторичная релевантность**, возникающая в результате деконструкции первичного и создания вторичного знака, – переосмысления буквального значения, воссозданию нового неаддитивного смысла [Барт, 1994; Ельмслев, 2006]. Таким образом, когнитивная среда, помимо структурированных знаний («когнитивные множества» [Йокояма, 2005]), включает в себя когнитивные процессы обработки знаний (концептуальный блендинг, импликатуры и др.) в тот или иной момент (речевой) интеракции, то есть выступает *концептуальной компетенцией* – умением оперировать ментальными единицами и их взаимной адаптации (ассонанса, консонанса и резонанса) с ментальными репрезентациями собеседника. Такая координация рассматривается нами как **адаптивная стратегия** участников речевой интеракции. Происходит адаптация к личностным параметрам собеседника (recipient design) с учетом анализа характеристик его возможной ошибочной интерпретации [Mustajoki, 2012]. Некоторые из этих адаптаций могут рассматриваться как форма «пояснения / объяснения» и/или стратегии «устранения двусмысленности». Говорящий корректирует сообщение (сигнал), чтобы гарантировать, что ошибка устранена и не повторится вновь [BlokpoeI, 2012]. Таким образом, результатом речегогнитивного взаимодействия становится понимание как установление смысла, как новое знание (постзнание, постпонмание), *совместное знание коммуникантов*, не всегда соответствующее критерию

истинности, но релевантное для момента взаимодействия. Достаточно часто такое (взаимо)понимание, «совместное знание» (В.З. Демьянков) основано на *очевидности обоюдного смысла* (интерпретации) «здесь и сейчас» и не переходит в разряд знания как «всеобщего знания», т.е. «объективной концептуальной системы как коллективного феномена, отражающего весь познавательный опыт человека во всем его разнообразии» [Павиленис, 1993: 209].

Третья глава представляет динамическую модель когнитивно-семиотической интеракции на основе редукции и схематизации. Первым условием редукции когнитивной интеракциональности является обозначение актуализированных «совместных знаний» в терминах *информации* и *смысла*.

Под *актуальной информацией* понимается любая мультиканальная (А.А. Кибрик) информация, поступающая в один из перцептивных модулей когнитивной системы коммуниканта [Fodor, 1986] в момент речевого взаимодействия.

Как инструмент операциональной редукции процессов *знания* и *понимания* в контексте актуальной речевой интеракции, мы принимаем за *ядерный элемент* «обоудной когнитивной среды» *актуальный смысл* сообщения (текста) и всей интеракции, создаваемый «здесь и сейчас».

В результате взаимных впечатлений, полаганий и «когнитивных трансакций», то есть в ходе *коммуникативной интеракции*, взаимное понимание проходит три стадии: эмерджентное *координирование (ассонанс)*, взаимная адаптация, *согласование (консонанс)* и интеграция – объединение, *совмещение (резонанс)* когнитивных систем обоих коммуникантов («взаимопонимание»). Речегогнитивная интеракция представляется при этом как взаимодействие двух фундаментальных процессов: *понимания* и *принятия знания* (согласия). Основанием для них является *признание релевантности* (достоверности, уместности) получаемого в субъект-объект-субъектном взаимодействии *актуального смысла*.

В терминах акустической перцепции стадии когнитивной интеракции представляются как: – *ассонанс* внутренних релевантностей, ведущий к пониманию; – *консонанс/конкорданс* внутренних и внешних релевантностей, ведущий к согласию; – *резонанс* внутренних релевантностей, ведущих к взаимопониманию. Взаимопонимание как *когнитивный резонанс* и лингвистическая категория технически основывается на амальгаме понимания и согласия. Взаимопонимание как *разделяемый актуальный смысл* – категория коммуникативная и интеракционная – требует в речевом взаимодействии эксплицитных декларативов (взаимо)понимания (маркеров «пропозиционального отношения») со стороны собеседника.

Таким образом, интерактивный *когнитивный ассонанс* («договор по поводу референта») и интеракционный когнитивный *консонанс* (взаимное принятие релевантности высказываний друг друга, совместная когнитивная адаптация к социальной среде) служат основанием для совместного принятия решения и последующего (взаимо)действия (деятельностная релевантность).

Когнитивный консонанс определяется внешней средой: это адаптация коммуникантов к социокультурным нормам, максима́м и постулатам речевого взаимодействия и проч. *Когнитивный резонанс* определяется *пертинентностью* (личными релевантностями) субъективных и интерсубъективных факторов: 1) когнитивным потенциалом каждого из собеседников – способностью к логической инференции и образному мышлению («эвокации» [Dominicy, 2009]); 2) конкордансом внутренних релевантностей собеседников; 3) релевантностью вклада собеседника в общее смысловое пространство (когнитивную среду) РВ.

Пертинентность (личностная релевантность) возникает «здесь и сейчас» как результат получения личностного смысла, вступающего в резонанс взаимного понимания и взаимопонимания. Контексты, актуализирующие пертинентность, отличаются повышенной идиосинкразийностью: понимание – ассонанс и консонанс – и принятие смысла шуток, аллюзий, интертекста, политического подтекста и т.п. говорит о взаимопонимании – резонансе внутренних релевантностей собеседников:

(1) A : ... et alors c'est là que j'ai compris...

B : Oui c'est comme [moi j

A: [J'ai dit : ah non, ah ça non, ça va pas, il est pas k-c'est i-nac-cep-table!

B: Ah ben oui, exactement comme moi, et c'est marrant hein, c'est exactement c'que j'ai dit! [AL: 84] (A: ... и тут я понял ... B: Да, и я... A: Я говорю: э нет, не пойдёт, это просто неприемлемо! B: Ну да, точно, я тоже, смешно, да, ну точно, я то же самое сказал!).

Альтернативой когнитивного согласования (mutual adjustment), порождающего когнитивный ассонанс и интерсубъективный интенциональный резонанс в РВ, является когнитивный диссонанс и, как правило, «коммуникативная неудача», возникающие вследствие нарушений в интерактивной и интеракциональной адаптации речевого действия (высказывания) и обмена высказываниями [Sacks, 1974; Roulet, 1985].

В обыденной коммуникации диссонанс в *энталамировании* (логическом выводе) проявляется достаточно часто в силу расхождения в интерпретации коммуникативных интенций говорящих, или «импозиций» (О. Йокояма). Например, в следующей интеракции:

(2)

(a) «Moi: – Dolorès, je prends un bain.	Я: Долорес, я принимаю ванну.
(b) Dolorès.– Oh! ça ne me gêne pas » [MJM: 114].	
	Д.: О, мне это не мешает (б ¹) / Ничего страшного (б ²)

Ошибочная интерпретация интенционально-иллокутивного смысла высказывания (а), являющегося косвенным упрёком («Я принимаю ванну. Зачем же тыходишь!? Выйди!»), приводит к нерелевантности высказывания (b), вследствие нарушения *интенционального ожидания* первого говорящего, рассчитывающего на извинения и уход. Причем при выборе варианта перевода проявляется многозначность французской реплики (b). В (б¹) собеседник реферирует к пропозиции (а), а в (б²) – к иллокуции извинения, которую он ошибочно энталамирует из (а). В обоих случаях когнитивный

диссонанс выражается в иллюкутивной рассогласованности и недопонимании («ошибочном впечатлении») между собеседниками. Этот случай можно трактовать как *ложное энталамирование* (ложная контекстуальная интерпретанта), **иллюкутивное недоразумение** («коммуникативный сбой» [Попова, 2019]).

Другой пример «коммуникативной неудачи» показывает расхождение в аттенциальных фокусах коммуникантов и в оценке релевантности высказывания собеседника с точки зрения его аргументативной силы:

(3)

<p>L'enfant, tout fier sans doute de savoir lire: – «<i>Maman, on est à Richelieu!</i> – <i>Maman on est à Richelieu!</i> Maman... La mère – <i>Mais qu'est-ce que tu veux que ça me fasse?</i> On ne descend pas à Richelieu...») [Kerbrat-Orecchioni, 2005: 201]</p>	<p>Ребенок с мамой в метро, гордясь тем, что умеет читать: « – Мама мы на «Ришелье», мама мы на «Ришелье»... – Что с того, мы не выходим на «Ришелье» (досл. «Как ты хочешь, чтобы я на это реагировала?»)</p>
--	--

В данном диалоге происходит несовпадения с выделением релевантного, **фокусного** референта для контекстуально-когнитивной ментальной модели каждого [Dijk, 2008]. Факт прибытия на станцию не имеет значения для взрослого («фон»), в то время как цель ребенка – прочесть название станции (аутореферентный «фокус» восприятия) (ср. [Ирисханова, 2014а]). Более маркированные примеры непонимания / несогласия демонстрируют не только и не столько так называемые «коммуникативные неудачи» [Йокояма, 1998; Mustajoki, 2003 и др.], сколько именно **несогласие** с собеседником.

Принцип релевантности может нарушаться сознательно, когда *субъект* интеракции превращается в *объект* [Попова, 2021б], и на смену аргументации *ad rem* (об объекте, по существу дела) приходит аргументация *ad hominem* (о человеке, оценка личностной компетенции оппонента). Интенциональные отклонения от принципа релевантности, как правило, преследуют политические (по П. Бурдьё) цели (идеологическая манипуляция, обман, достижение власти и т.д.), а на смену диалектической дискуссии приходит эристическое, агональное речевое взаимодействие [Тамразова, 2021; Bourdieu, 1991].

Ввиду асимметрии 'субъект-объект-субъект'-ных отношений, может происходить инверсия субъекта и объекта. Адресант (S_1) может рассматривать адресат (S_2) как «объект», например, при манипуляции (обман, невежливость, пренебрежение и т.д.), или как институциональную составляющую (функцию) деятельности (официант, клиент, пассажир, пациент и т.д.). И наоборот, адресант (S_1) может представляться как «объект» в институциональной – закон, установление, предписание, – или манипулятивной коммуникации – объективизация мнения, обобщенность субъекта, опущение субъекта и др. (см. [Червоный, 2014]).

«Игры субъектности» лежат в основе многих лингвopsихологических манипуляций, например, иронии как подмены точки зрения и «удвоения»

когнитивной модели субъекта высказывания А – S₁/S₂ (ср. «эхо-теория» [Wilson, 2013]), юмора, насмешки, языковой игры, стратегии дискредитации, персуазивной стратегии «устранения субъекта», объективизации субъекта и др. Объективизация адресата как интерперсональная иррелевантность происходит и при актуализации метафорической функции апеллятивной номинации и/или эпонимической номинации (прозвища, клички, субстандартные апеллятивы и т.д.).

В четвертой главе рассматриваются контекстные модели обыденно-профессиональной коммуникации и вторичная релевантность неаддитивных речекогнитивных стратегий на материале корпуса телесериала «House, MD».

Анализ выявляет механизмы интеракциональной релевантности в речекогнитивном формате делиберативного диалога [Walton, 2016], то есть обсуждения определенной проблемы, представляющей личный и/или профессиональный интерес (внутреннюю или навязанную тематическую релевантность). Полиаспектная (пропозициональная, иллюкутивная, аргументативная, интерперсональная, дискурсивная, перформативно-деятельностная) релевантность речевого взаимодействия реализуется, когда интеракция: (а) *либо* информативна и прозрачна (*аддитивна*) и подтверждает концептуальную систему получателя, *либо* конструктивно меняет ее, добавляя новые и отменяя старые знания; (б) соответствует запросу (интересу, потребности) – т.е. *пертинентна*; (в) заслуживает приложения интерпретативных усилий (*неаддитивна*).

Для большинства обыденно-профессиональных диалогов свойственна неаддитивная стратегия *либо* в силу общности знаний (дискурсивной формации), *либо* в силу речекогнитивной креативности в расчете на верное «конструирование собеседника» (*recipient design*). Так, людическая тональность определяет жанр речевого обмена – ироничная аллюзия (*small loose talk*). Ироничность позволяет снизить уровень навязчивого вторжения в личную *внутреннюю релевантность* собеседника, подчеркнуть собственную профессиональную компетентность и проч. То, что нельзя сказать прямо, можно имплицировать или заключить в экспликатуру в виде пресуппозиции:

(4)

House: Death row guy. I want the case.
<...>Cuddy: Well, I have already assigned Death Row Guy to Dr. Nolo.
House: Nolo? Well, I don't want to say anything bad about another doctor, but... especially a useless drunk...
Cuddy: You are addicted to pain pills.
House: But I'm not useless.

Хаус: Поручи мне дело парня смертника. <...> Кадди: А я уже отдала дело смертника доктору Ноло.
Хаус: Ноло? Не хочу говорить гадости о другом враче, особенно о никчёмном пьянице...
Кадди: А ты глотаешь колёса.
Хаус: Но я не никчёмный.

Многие «угрожающие» пропозициональной (интерперсональной, аргументативной и т.д.) релевантности интеракции легко «переживаются» в силу когнитивно-речевого шифтинга реального референциального мира в пространство людической (игровой, шутливой) виртуальной реальности, в которой референциальная нерелевантность нейтрализуется и замещается

резонансом внутренних релевантностей собеседников (взаимопониманием). В основе интерпретации иронии лежит вторичная релевантность – на основе первичной нерелевантности инициальной пропозиции рождается поиск метарепрезентации концептуальной ментальной модели собеседника (КММ), основанной на имитативном шифтинге: из КММ первичной релевантности в КММ вторичной, условной релевантности. Особенно ярко это проявляется в следующих контекстуальных моделях:

– **Ирония ad absurdum:**

(5)

House: <i>I'm worried that he might be a spy.</i>	– Боюсь, его завербовали.
Lucas: He's been gone four months.	– Не было четыре месяца, и ты
<i>You're worried the friendship has changed.</i>	боишься, что друг изменился. –
House: <i>I'm just not sure if he's working for Hirohito or the New England Patriots</i>	Хочу знать, на кого он работает –
[HDM: 5/5].	на Хирохито или английских патриотов.

– **Сарказм** усиливает отрицательные стороны объекта обсуждения (жертвы) и ставит под сомнение доводы или другие стороны «позитивного лица» собеседника (ad hominem):

(6)

House: Told you, can't trust people.	– Я же говорил, нельзя доверять
Cameron: <i>She probably knew she was allergic to gadolinium, figured it was an easy way to get someone to cut a hole in her throat</i> [HMD: 1/1].	людям. – Ну да, она знала, про аллергию на гадолиний, но ей ужасно хотелось дырку в горле.

– **Экспликация «от противоположного» (ирония a contrario):**

(7)

<u>Warden</u> : <i>Your patient shanked one inmate his first month here, broke another one's neck, nearly decapitated one of my guards...</i>	<u>Надзиратель</u> : Ваш пациент пырнул своего сокамерника, а другому сломал шею и практически обезглавил одного из охранников...
<u>House</u> : <i>Relax, I've got a great bedside manner</i> [House, MD: 2/1].	<u>Хаус</u> : Не бойтесь, я его не обижусь.

В этом диалоге сталкиваются две иллокутивные интенциональности: предупреждение об угрозе и ироническое пренебрежение угрозой – неаддитивная стратегия *нарочитой нерелевантности* высказывания. Вторичной функцией иронии здесь выступает контраргументативная функция: Хаус отвергает аргументацию надзирателя. Ad hoc-концепт ПАЦИЕНТ-УБИЙЦА имплицитно угрозу и интерпретацию [бойся X]. Ирония как речевая стратегия вторичной релевантности (см. выше) отвергает эту интерпретацию, заменяя её на противоположный ad hoc-концепт ПАЦИЕНТ, ТРЕБУЮЩИЙ ЗАЩИТЫ. Когнитивный блендинг иронии строится по формуле **Input₁: A=B + Input₂: A= C**. Отсюда **Blend: A=B+C**, где C = – B. Ad hoc-концепты отмечаются в оперативной памяти как составляющие разделяемой актуальной когнитивной среды коммуникантов,

позволяя операциональное, интуитивное, не всегда полное, иногда неадекватное, понимание высказывания партнёра по коммуникации.

– **Прецедентные феномены:**

– **игра слов:**

(8)

– House: Its name's Sarah. Cats aren't named that, women are. *What the Freud is that about?* [HMD: 7/12].

Её зовут Сара. Женское имя. Кошек так не называют просто так. Объясни мне, *какого Фрейда?*

– **аргумент *ad antiquitatem*:**

(9)

House: It's titanium. Chase: That pin was removed six months after. House: So what, a little piece broke off during removal. Chase: *Titanium is used to build nuclear subs, pieces don't just break off.* House: *Tell that to the guys on the «Kursk»* [HMD: 3/2].

– Это титан.– Штифт удалили через полгода.– И что? Кусочек отломился в процессе. – *Из титана ядерные подлодки строят. Его просто так не отлочишь.*
– *Расскажи это парням с «Курска».*

В данном делиберативном диалоге (дифференциальный диагноз) контраргументация Хауса строится на прецедентной реалии, опровергающей, с его точки зрения, утверждение оппонента (Чейза). Такая аргументация неаддитивна, так как собеседник может не иметь представления о трагедии с русской подлодкой. Релевантность контраргумента вторична и основана на метарепрезентации Хауса о фоновом референциальном знании д-ра Чейза.

Стратегия аргументации с опорой на авторитет – *argumentum ad verecundiam* – иногда ставится под сомнение и высмеивается (*ирония ad absurdum*):

(10)

Cameron: *McDonald criteria* requires six months to make a definitive diagnosis. House: *Oh, who cares about McPherson? I hear he tortured kittens.* Foreman: *McDonald.* House: *Oh, McDonald. Wonderful doctor, loved kittens* [HMD: 1/2].

– По критерию *МакДональда* для точного диагноза нужно 6 месяцев. – *Плевать на Макферсона.* Слышал, он мучил котят. – *МакДональд.* – *Ах МакДональд? Отличный врач, любил котят.*

Стратегия прецедентности *a priori* предполагает вторичную релевантность, но *глубина когнитивного сканирования* и вероятность «вторичной эмпатии» [Geeraerts, 2020] субъективна и вариативна, зависит от глубины «конструирования» собеседника (аудитории), возраста, временного и культурного контекста прецедентной реалии. Тем не менее, распознавание прецедентных феноменов в диалогах сериала «House, MD» даёт зрителям возможность получить удовольствие от узнавания аллюзивных реминисценций, которые часто приобретают ироническую и юмористическую тональность (см. [Карасик, 2008; Матвеева, 2011]):

(11)

Фрейм: Накануне Уилсон пригласил Кадди в театр по совету Хауса.

House: *How was the play Mrs. Lincoln?* [HMD: 3/19]. | – Как прошла пьеса, миссис Линкольн?

Юмористический эффект от светского вопроса Хауса достигается за счёт разделяемого адресатом и аудиторией прецедентного знания об убийстве президента Линкольна во время посещения театра и несёт морбиальный оттенок, вызывая, тем не менее, улыбку «понимающего» зрителя.

– *прецедентные имена, языковая игра с онимами:*

(12)

– о пациенте в инвалидном кресле, упавшем в бассейн:

House: What about **Stephen Hawking** trying to do the 500 butterfly? [HMD: 3/1]. | – А **Стивен Хокинг**, что решился на заплыв в бассейне?

(13)

– о начальнике-афроамериканце:

House: House: I don't care what anybody says, I care what they do. Right now, **Blackpoleon Blackaparte** has got the nurses on red alert, I can't get into the patient's room [HMD: 2/9]. | – Меня останавливают его дела, а не слова. **Чернолеон Негропарт** отдал приказ сёстрам о боевой готовности. Меня не подпустят к пациентке.

(14)

– об уборщике больницы:

Cuddy: The chapel still has sanctity for some people. House: You're right. I think I saw **Blue** the janitor passed out in one of the pews last week. Cuddy: *It's Lou*, and I would have thrown him out too [HMD: 7/17]. | – Для некоторых часовня еще святое место. – Ты права. На той неделе **Вдул уборщик** отсыпался тут на скамейке. – *Его зовут Абдул*. И я его тоже выставлю.

(15)

– о докторе Чейзе, уроженце Австралии:

House: Exactly. The **Foreman** department. Of which you are the **foreman, Foreman**. I know you got the time. *A little Wallaby* told me that you recently vacated your post as Taub's savior [HMD: 7/12]. | – Точно. Отдел Формана и ты его глава. Ты же Форман? Время у тебя есть. **Кенгуру** мне настучал, что ты покинул свой пост спасителя Тауба.

– *переключение кодов:*

(16)

House: Ultrasound to confirm, then tell Chase to put the kidney back on the shelf. The bleed will be nearby. Roz: That's... it? House: *Mazel tov* [HMD: 4/12]. | – УЗИ для подтверждения, и скажите Чейзу, чтобы положил почку на место. Источник кровотечения будет рядом. – И всё? – **Мазлтоф**.

House: The struggle to resist one's captors is never pointless. *Vive la résistance!* Wilson: | – Борьба с тюремщиками всегда имеет смысл. *Вив ля резистанс!*

Well, I hate to break it to you, *Che*, but simple delay won't work. Your mother will hold the funeral till we get there [HMD: 5/4].

– Жаль тебя огорчать, *Че*, но тянуть время бесполезно. Твоя мама без нас церемонию не начнёт.

Чтобы расширить представление о когнитивном восприятии релевантности прецедентных феноменов, мы провели эксперимент с несколькими фрагментами сериала (см. примеры выше). В эксперименте приняло участие 20 человек: 10 – преподаватели иностранного языка (английский) университета (возраст 35-65 лет). Из них 5 – смотрели сериал «Доктор Хаус» на русском языке (5/5). 10 – студенты 3-4 курсов отделений английского языка (иностраный язык для технических специальностей). Из них 2 – смотрели сериал (2/8).

Респондентам были предъявлены фрагменты видео с прецедентными феноменами в диалогах сериала «House, MD» вначале без перевода, затем – с дублированным переводом.

Респондентам требовалось оценить релевантность (уместность/понятность) прецедентного элемента по трём параметрам:

- «1 – понятно и релевантно (фоновые знания /смысл);
- 2 – непонятно, но релевантно (0 знаний / смысл по ситуации);
- 3 – непонятно и нерелевантно (0 знаний / 0 смысла)».

Результаты самооценки узнавания прецедентной формы и смысла высказывания приведены в следующей таблице (Таблица 1):

Таблица 1.

Самооценка понимания прецедентного текста в эксперименте

– без перевода:

Прецедентный элемент (№ примера в тексте работы)	студенты (2/8)			преподаватели (5/5)		
	1	2	3	1	2	3
<i>Blackpoleon Blackaparte</i> (50)	0	3/0	7	5/5	–	–
<i>How was the play Mrs. Lincoln?</i> (48)	–	–	10	5/3	2	–
<i>Stephen Hawking</i> (49)	4/3	2	1	5/2	–	3
<i>What the Freud is that about?</i> (45)	2/0	3/2	3	5/5	–	–
<i>Lucy in the Sky</i> (61)	0	5/4	1	0	3/2	5
<i>Che</i> (55)	0	0	10	4/3	–	3
<i>Mazel tov</i> (57)	0	0	10	3/2	5	–

– с затекстовым дубляжом:

Прецедентный элемент (№ примера в тексте работы)	студенты (2/8)			преподаватели (5/5)		
	1	2	3	1	2	3
<i>Blackpoleon Blackaparte</i> (50)	10	–	–	10	–	–
<i>How was the play Mrs. Lincoln?</i> (48)	–	–	10	5/3	2	–
<i>Stephen Hawking</i> (49)	5/3	2	–1	5/2	–	3
<i>What the Freud is that about?</i> (45)	2/0	3/2	3	5/5	–	–
<i>Lucy in the Sky</i> (61)	0	5/4	1	0	3/2	5
<i>Che</i> (55)	0	0	10	4/3	–	3
<i>Mazel tov</i> (57)	0	0	10	3/2	5	–

После самооценки респондентов просили изложить своё понимание значения (смысла) указанных контекстов, которое оценивалось по параметрам:

- абсолютная релевантность (*знал, понял*),
- частичная релевантность (*догадался, понял*)
- нерелевантность (*не понял*).

Итоги эксперимента подтвердили гипотезу об алгоритме формирования актуального смысла высказывания в контексте речевой интеракции: *понимание (смысл) находится в разной степени зависимости от фоновых знаний реципиентов*. При этом абсолютная релевантность интерпретации основывалась в большей степени на фоновых знаниях (предзнаниях), частичная релевантность достигалась попыткой восстановить смысл из контекста, нерелевантность интерпретации состояла либо в ошибочном понимании, либо в понимании наличия интерпретационной лакуны (непонимания). Тем самым, подтверждается, что кодовые, *конвенциональные знания* значительно облегчают понимание прецедентных феноменов, хотя определяющим (по частотности) параметром в стратегиях понимания является *интерпретация, обусловленная контекстуальной моделью* реципиента, учитывающая фоновые знания (эрудицию, опыт) и интеракционно-психологический контекст. В восприятии обыденного дискурса т/с, как правило, преобладают интуитивные интерпретации над рефлексивными, поэтому относительная релевантность как результат сложения абсолютной (знаниевой) и частичной (интерпретационной) релевантности получила следующее представление (Рис. 1):

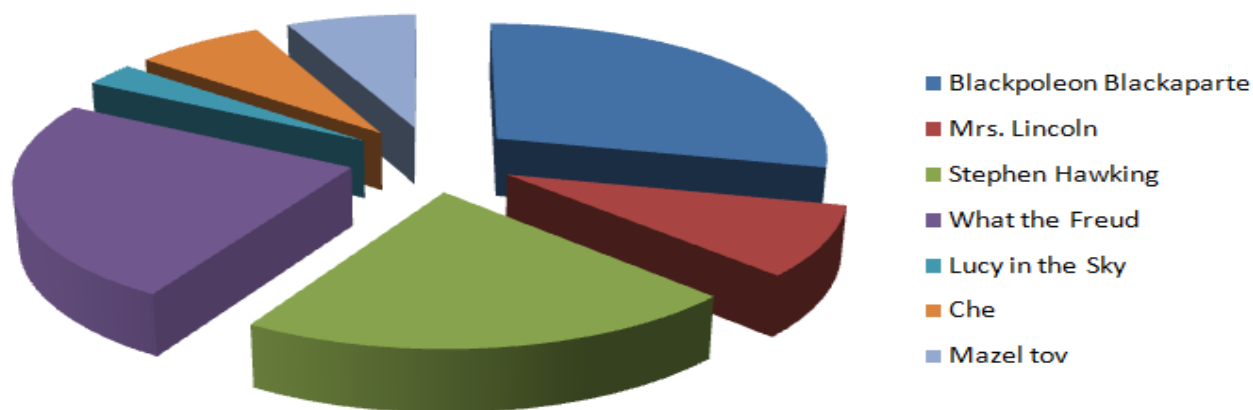

Рис. 1. Относительная релевантность интерпретации прецедентных феноменов в эксперименте

По свидетельству испытуемых, они либо понимали сразу (*Blackpoleon Blackaparte; Stephen Hawking*), либо начинали искать объяснение нерелевантности, фиксируя отсутствие референциального знания (*Mazel tov; Che; Lucy in the Sky*), другими словами, расширять контекст в попытке извлечь контекстуальные эффекты из фразы-стимула говорящего персонажа. На основании интроспекции респондентов можно констатировать, что расширение исходного контекста в поиске смысла разворачивалось в трех последовательных когнитивных векторах: (а) энциклопедические знания; (б)

предыдущие и последующие высказывания; (в) проектирование речевой ситуации на собственную коммуникативную компетенцию (процедурное знание).

Можно предположить, что каждое когнитивное движение способствовало формированию дополнительных интерпретаций, которые могли увеличить усилия по смыслообразованию, что, в конечном итоге, способствовало повышению (или снижению) релевантности. Если затраты на обработку были не слишком высоки (в обмен на полученный смысл – контекстуальный эффект), усилия по интерпретации были оправданы (удовлетворение от понимания), а предоставляемая информация была релевантной в той или иной степени уверенности в правильности интерпретации.

Как свидетельствуют авторы различных исследований [Talmy, 2007; Tendahl, 2009; Unger, 2006], физически и математически измерить человеческие (не компьютерные) процедурные затраты на усилия по интерпретации пока достаточно сложно. Очевидно, необходим анализ изменений в нейрохимических состояниях человеческого мозга. Помимо интро- и ретроспективной рефлексии, позволяющей в определённой степени измерить количество шагов вывода смысла («сначала я подумала, что ...» – см. выше), необходимых для доступа к финальной интерпретации, в эксперименте была предпринята попытка определения времени, затраченного на обработку неаддитивного контекста. Однако, видимо, в силу отсутствия адекватного (электронного) оборудования, не удалось добиться рекуррентности полученных результатов. Тем не менее, проведённый эксперимент показывает, что усилия по обработке информации определяются прежде всего лингвистической и культурологической сложностью стимулов, глубиной контекста (знаниевый тезаурус), индивидуальной доступностью контекста (коммуникативная компетентность) и нек. др. (ср. [Mustajoki, 2012]).

В **пятой главе** рассматриваются метакоммуникативные полимодальные манифестации релевантности в речевой интеракции. Элементы маркирования речевых интенциональностей в различных аспектах РВ составляют функциональный класс прагматических индексалов в пространстве дискурса, регулирующих (указывающих) направление интерпретации речевых ходов-высказываний [Алферов, 2001; Попова, 2004; Blakemore, 2002]. **Концептуальное** (понятийное) **знание** соотносится с референцией и пропозиционально-истинностными значениями высказывания, **процедурное знание** связано со способами обработки высказываний в индивидуальной и обоюдной когнитивной среде реципиентов [Sperber, Wilson, 1995; Blakemore, 1987; 1992; 2002; 2004].

Другими словами, говорящий, осознанно (рефлексивно) или рефлексивно стремится не усложнить, а облегчить понимание своего высказывания собеседником в оптимальном алгоритме: затраты на процесс интерпретации (понимания) не должны превышать когнитивных эффектов, то есть коммуникативной значимости и информативности высказывания (см.

выше). Поэтому целесообразно рассматривать релевантность как *метакоммуникативную категорию*, имеющую свои средства реализации и выражения. К средствам реализации метакоммуникативной функции релевантности относятся логико-когнитивные механизмы речезыкового сознания человека [Вепрева, 2003]. К средствам выражения можно отнести все те прагматические элементы языка и речи, значение которых либо прямо, либо косвенно отражает этапы процесса речемыслительной деятельности взаимодействующих коммуникантов [Рябцева, 2017].

Модель речевой интеракции опирается на коммуникативные метазнания собеседников – коммуникативную компетенцию, которая состоит из набора очевидных для обоих коммуникантов закономерностей речевой интеракции, максимы кооперативного общения и т.п. Эта взаимная очевидность (*manifestness*) ходов и действий участников речевого взаимодействия является условием успешной коммуникации.

Классификация полимодальных триггеров (не)релевантности – метарефлексов и метарефлексов – может быть осуществлена на основе принципов семиотической системы Ч.С. Пирса [2000], через имманентные семиотические свойства этих знаков. Пирс указывает, что выделяемые им три основных типа знака (икона, индекс, символ) соответствуют трём категориям семиозиса, трём стадиями когнитивной обработки информации: 1) **перцепция** (восприятие формы – *иконизм*), 2) **идентификация** (логико-каузальное соотнесение референта-объекта с прототипом, имеющимся/не имеющимся в сознании, т.е. причинно-следственная *индексальность* «если, ...то») и **инференция/интерпретация** (исчисление значимости/релевантности содержания) и 3) **закрепление её в символе** – легитимизация конвенциональности речезыковой формы.

Последовательность «*перцепция – идентификация – инференция*» соответствует трем феноменологическим категориям знака – Первичность, Вторичность и Третичность, – коррелирующим с характером интерпретанты как *связи* между репрезентантом и объектом (иконическая интерпретанта, индексальная и символическая интерпретанты) (см. ниже – Таблица 2).

Примером воплощения этого теоретического построения может быть, например, простой *акт чихания*: 1) остенсивный физиологический акт (событие); 2) включение его в категорию релевантных событий в рамках фрейма (например, «здоровье внука»); 3) инференция (вывод) – «симптом простуды» (система общих знаний), 4) аргумент для принятия мер («чай с малиной»). Интерпретация акта чихания проходит цепочку *Квалисигнум – Индекс – Аргумент*. Возможны и другие комбинации интерпретативного семиозиса. Например, *Синсигнум* ‘улыбка’ может интерпретироваться как: 1) *Икона* – подражание (перед зеркалом), 2) *Индекс* и *Дицисигнум* – показатель (симптом) приятного ощущения, его спонтанное выражение, 3) *Символ* и *Аргумент* – знак вежливости и призыв к ответной эмпатии.

Остенсивные маркеры (сигналы, триггеры) релевантности высказывания многочисленны. Они полимодальны (улыбка/ухмылка/смешок, подмигивание, мимика, взгляды, жесты и т.д.); к ним относятся модусные

конструкции, отражающие пропозициональное отношение: Я думаю/полагаю; Боюсь, что...; Я согласен, что...; Вы считаете, что... и т.д.

Остенсивная проявленность триггеров релевантности реализуется прежде всего на уровне **перцептивно-иконическом** (улыбка, жест), а затем становится объектом интерпретативного семиозиса. Поэтому релевантность остенсивного проявления (квалисигнума) изначально иконоцентрична (Таблица 2):

Таблица 2.

Иконоцентризм в семиотической системе Ч.С. Пирса

	Знак как форма «репрезентамен»	Знак как отражение объекта	Знак как функция
первичность	Квалисигнум	Икона	Рема
вторичность	Синсигнум	Индекс	Дицисигнум
третичность	Легисигнум	Символ	Аргумент

Мимика или жест как единичный акт – «дицисигнум» – может быть знаком только для одного из участников интеракции (реципиента или продуцента). Так, расширенные намеренно глаза могут стать знаком удивления, обращенного к адресату, а расширенные зрачки могут стать синсигнумом определённого физического состояния говорящего субъекта и т.п.

Примером рефлексивной полимодальной маркированности (не)релевантности может служить ставший «национальным мемом» диалог между Э. Макроном (ЭМ) и молодым человеком (МЧ), обратившимся к тогда еще министру Макрону с упреком о неустроенности безработной молодежи во Франции:

(17)

М.Ч.: On en a marre! On en a marre!!! J'ai 21 ans, je me retrouve à faire une formation... On en a marre! Moi, j'ai pas les sous pour me payer un costume comme ça!
 Э.М.: «*Vous n'allez pas me faire pleurer avec votre T-shirt. La meilleure manière de se payer un costard, c'est de travailler*»
 [L'Express – эл. рес].

– Хватит с нас! Мне 21 год, я без образования, мне не на что купить *такой вот костюм!*
 – Вы не разжалобите меня (досл. «не заставите плакать») *своей майкой*. Лучший способ купить себе костюм (costard – арг.) – работать.

Коммуникант **S₁** (М.Ч.) придает аргументативную значимость внешнему виду собеседника **S₂** (Э.М.), которого он рассматривает как объект (контекстуальная модель – по Т. ван Дейку), и произносит в качестве метакоммуникативного **рефлекси́ва-легисигнума**, маркирующего нерелевантность полимодального знака **S₁** (внешний вид адресата), получая в ответ знаменитую фразу Э.М. «*La meilleure manière de se payer un costard, c'est de travailler*» (Лучший способ купить костюм – работать), ставшую мемом и национальным хэштегом #costardgate ('Костюмгейт' по аналогии с Уотергейтом).

Другим примером маркированности рефлексивной полимодальной метакоммуникативной (не)релевантности может служить следующий речевой обмен:

(18)

Au café. Il y a beaucoup de monde. **A** se faufile au comptoir entre deux groupes et commande un café. **B**, à sa gauche, qui lui tourne le dos, se retourne.

B : *Vous avez assez d'place au moins?*

J'vous gêne pas trop? C'est que j'sus gros hein... **A** : Non non, vous m'gênez pas, merci, ça va très bien...! (rire) [AL: 94].

В кафе много народу. А протискивается к стойке между двумя посетителями и заказывает кофе. В – один из сидящих, которого толкнул А, говорит: В: Я вам не очень мешаю? Толстый я, да?
А: Нет, нет спасибо!

В примере (18) **A** нарушает личное пространство **B**. Тот иронически спрашивает, не мешает ли он **A**. Таким образом, актуализируется *негативная вежливость* [Ларина, 2009; Culpeper, 2011], когда извиняется не тот, кто нарушил личную территорию, а тот, кто от этого пострадал, но пытается проявить эмпатию, подавив потенциальный конфликт. Здесь иронический метакоммуникативный рефлексив *Vous avez assez d'place au moins? J'vous gêne pas trop?* (Вам хватает места? Я Вам не мешаю?) выступает одновременно маркером ироничного упрека и кооперативной стратегии в интерперсональном плане (не)релевантности речевой интеракции. Данные примеры показывают, что *наравербальная составляющая метакоммуникативной рефлексии* реализуется во взаимодействии внешней поликодности и внутренней инференциальной способности определять значимость дискурсивных маркеров релевантности – квантов полимодального пространства речевой интеракции [Кибрик, 2018б].

В *Шестой главе* рассматриваются имплементации релевантности в парламентском дискурсе Франции (Национальная Ассамблея, Сенат). Парламентский дискурс по своей институциональности призван объединять в себе две дискурсивные формации – политическую (полемическую) и правовую (юридическую). Такое достаточно противоречивое объединение требует высокого уровня действенности аргументативного аппарата, позволяющего не только оправдать, но и сделать нормативными (институализировать) те или иные политические интенции и акты. Данная задача ставит во главу угла проблему релевантности дискурса как средства концептуализации, создания когнитивного тезауруса парламентской дискурсивной формации, её концептуальной идеологии. Внешняя релевантность ПДФ определяется кодексом правил речевого поведения в той или иной дискурсивной формации: обыденной (повседневно-бытовой) или институциональной (политической, деловой, профессиональной и т.д.); внутренняя релевантность ПДФ – это совокупность когнитивных процессов, направленных на понимание и взаимопонимание как условий успешности функционирования общего когнитивного пространства (когнитивной среды) коммуникантов.

Принятие коллективного решения зависит от принятия решения каждым членом коллектива. Поэтому консенсус (консонанс) можно рассматривать как персональное (внутреннее) решение (вывод) каждого участника делиберации и как общее (внешнее) коллективное соглашение и решение [Heinich, 2017].

Поэтому под *внутренним консенсусом* мы понимаем *осознание* и решение индивидуумом проблемной ситуации, и, как следствие, получение нового выводного (конклюдивного) *знания* [Dijk, 2003; Dretske, 1971], на основе которого им принимается и декларируется *решение* и осуществляется его дальнейшая деятельность.

Под *внешним консенсусом* понимается когнитивно-аналитическая база, которая возникает в результате коллективного обсуждения и решения общей проблемной ситуации. Такая база, формируемая в ходе аргументативного обмена мнениями, и составляет основу конклюдивного декларативного текста, имеющего законодательный статус. В дальнейшем такого рода декларации (законы) являются фундаментом *общего социального консенсуса* – гарантией стабильности в обществе. В парламентской делиберации наличествует два компонента – конструктивный и критический, или, другими словами, – консенсусный и полемический. Конструктивный компонент прямо нацелен на возможно быстрое решение проблемной задачи, критический – на уклонение от решения с целью критической оценки обоснованности предшествующих условий – оснований и возможных последствий. Критичность может быть объективной и субъективной. В последнем случае мы говорим о когнитивных предубеждениях (cognitive biases) [Haselton, 2006]. *Предубежденность* нарушает принцип оптимальной релевантности, заменяя его обратным принципом – ***принципом минимальной нерелевантности***. Политический противник априори активизирует механизмы ***презумпции отрицательной релевантности***. Предубежденность имеет не только субъективные основания. В политической дискуссии на первый план выдвигается принцип «кому выгодно», политической агональностью сводящий на нет идеалы делиберативной демократии. Особенностью французского парламентского дискурса является дуализм его регламента: с одной стороны, фиксация реплик парламентариев с места (репликативный дискурс) в протоколах заседаний парламента, с другой, – официальная регламентная «нерелевантность» репликативного дискурса. Возникновение комментирующих реплик связано с двумя основными полярными когнитивными эффектами:

- 1) когнитивный резонанс (максимальная релевантность) и
- 2) когнитивный диссонанс (иррелевантность) [Попова, 2020].

В структурном плане репликативный парламентский дискурс представляет собой единство алгоритма репликативных дискурсивных ходов и вписывается в общий институциональный жанр парламентских дебатов как полемический – ко-аргументативный или контраргументативный – дискурс. Однако его основная порождающая стратегия – стратегия

несанкционированного речевого вторжения – заставляет рассматривать его как маргинальный, тетический дискурсивный элемент, или *парентетический* – по отношению к легитимному магистральному дискурсу. Несмотря на маргинальность, парентетический полемико-аргументативный дискурс («*ce discours de combat permanent*») является неотъемлемой структурной и интеракциональной составляющей парламентской институциональности, отражаемой в официальных документах Национальной Ассамблеи. В парентетическом дискурсе отображается корпоративная солидарность (ассонанс) и корпоративные предубеждения (полемика, когнитивный диссонанс), маркирующие внешнюю (не)релевантность магистрального дискурса через такие адаптивные и диссонансные стратегии, как: *пропозициональная и интерперсональная аддитивность; когнитивный ассонанс и резонанс; диссонансные иронические и агональные реплики*.

В **заключении** представлены основные итоги и выводы проведённого исследования.

Обеспечение механизмов релевантности в речи достигается совокупностью разноуровневых средств языка (полиmodalных: жестовых, просодико-фонетических, синтактико-грамматических, лексико- и фразеосемантических), выполняющих роль триггеров и коммуникативно-прагматических манифестаций речевого поведения, выражающих определенное обоюдное интенциональное состояние коммуникантов в субъектно-объектной и субъектно-субъектной перспективе речевого взаимодействия. Когнитивно-коммуникативные механизмы релевантности коррелируют с типологически определенными дискурсивными формами, представляемыми в исследовании как *дискурсивные маркеры релевантности* – тетические элементы высказывания, регуляторы речевого взаимодействия.

В речевом взаимодействии происходит интеграция ментальных репрезентаций участников речевого взаимодействия и взаимная адаптация концептуальных структур к обоюдной репрезентации «здесь и сейчас». В представленной ниже схеме (Рис. 2) порождающим когнитивным пространством (*generic space*) может служить тематически актуальная (прототипическая) пропозиция в дискурсивной среде (формации), например, делиберативной речевой интеракции (обсуждение проблемы). Концептуальными пространствами входа ($Input_1$ и $Input_2$) будут две когнитивные среды взаимодействующих коммуникантов ориентированных на осознание пропозиции, которые неизбежно предстанут как *пропозиция₁* и *пропозиция₂*. Выяснить, насколько совпадают эти индивидуальные пропозиции, возможно при наличии специального метакогнитивного процесса – метарепрезентации и её экспликации (обсуждения экспликатур и имплицатур) [Fauconnier, 1995; 1999; Gallagher, 2007].

Результатом когнитивной адаптации является получение совместного, или актуально разделяемого знания (*actual shared knowledge*), или, в нашей системе – финальной интерпретанты и смысла как результата взаимодействия двух полаганий ($belief_1$ и $belief_2$). Как следствие, ментальные пространства собеседников находятся в состоянии когнитивного блендинга – *интеракционального ассонанса* (общие *ad hoc* концептуализации), *консенсуса*

(согласия, то есть совмещения индивидуальных *ad hoc* концептуализаций) и *резонанса* – совместного разделяемого смысла речевого взаимодействия. Совпадение/несовпадение концептуализаций собеседников определяется в когнитивном пространстве бленда – осознании когнитивного ассонанса (консонанса) или диссонанса (когнитивно-коммуникативной аномалии/неудачи, когнитивно-коммуникативного сбоя, провала, конфликта) – неудавшегося бленда (Рис. 2).

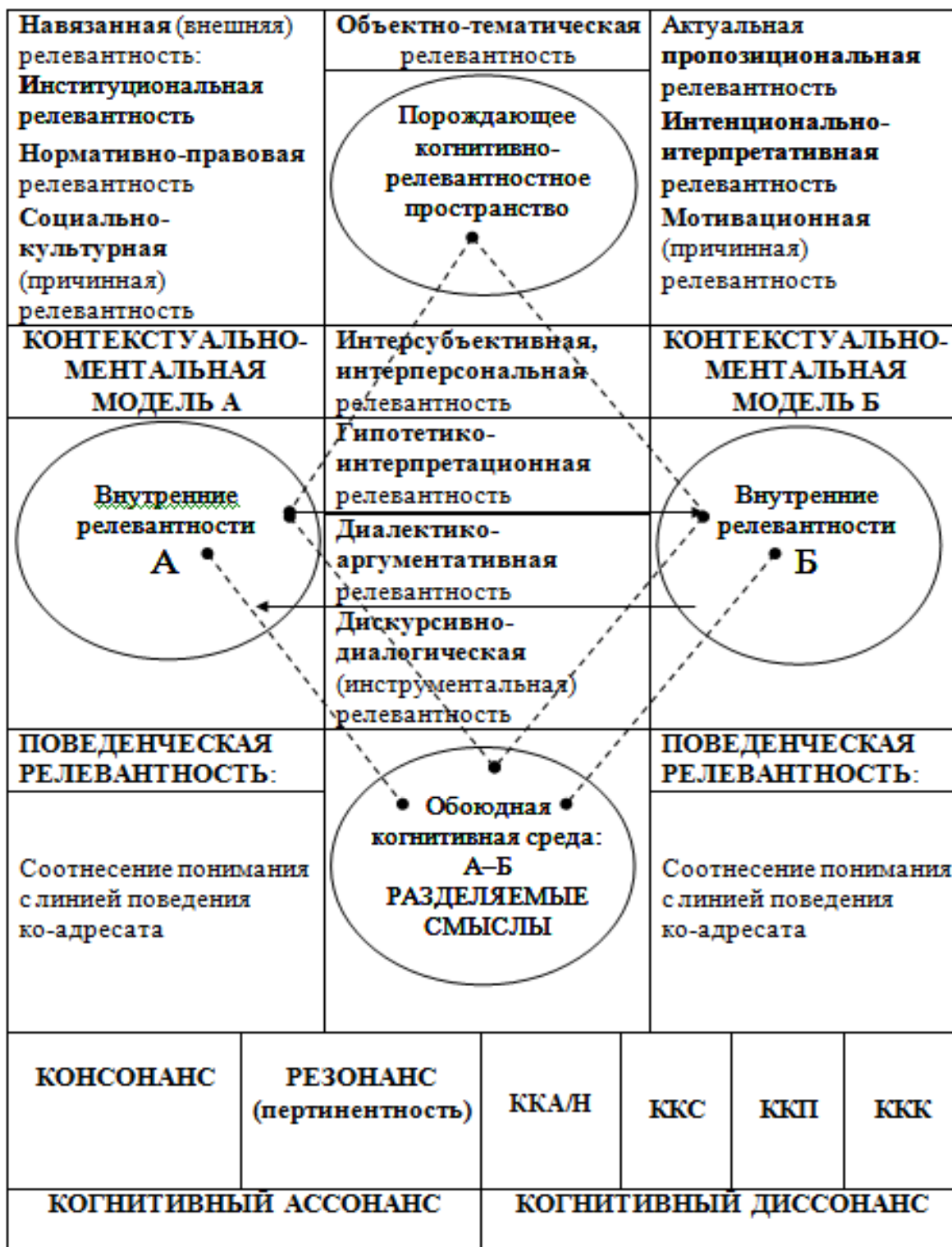

Рис. 2. Интегральная релевантность интеракции собеседников (А-Б) (понятийно-функциональное пространство)

Исследование показало перспективность разработки интегральной теории релевантности методом, основанном на дополнении когнитивной, семиотической и интеракционной парадигм, дальнейшего изучения проблемы полимодальных манифестаций категории релевантности; в перспективе – более детальное исследование сопоставительного аспекта этнолингвистических особенностей культурологической релевантности; перспективным представляется углубление полижанровых проявлений релевантности в обыденном и институциональном дискурсах.

Основное содержание работы изложено в следующих публикациях.

Монографии:

1. Попова, Г.Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология: монография / Г.Е. Попова. – Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2019. – 368 с. (23,5 п.л.)
2. Попова, Г.Е. Европейский парламентский дискурс: пролегомены к теории политической речевой интеракции. Прагмалингвистические очерки: коллективная монография / Ред. А.В. Алферов, И.Г. Тамразова. – М.: Московский Политех, 2019. – 248 с. (личный вклад 4,5 п.л.)
3. Попова, Г.Е. Концептосфера художественного текста и перевод / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Текст и дискурс: кодирование и декодирование: коллективная монография / Ред. А.А. Корниенко. – Пятигорск, 2017. – С. 64–106. (личный вклад 1,5 п. л.)
4. Попова, Г.Е. Категория релевантности в речевой интеракции / Г.Е. Попова // Актуальные аспекты интеракционной теории языка: коллективная монография. Гл. 2. / Ред. А.В. Алферов и Е.Ю. Кустова. – Пятигорск, 2013. – С. 42–76. (личный вклад 3,5 п. л.)

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

5. Попова, Г.Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Вестник ПГЛУ. 2013. № 2. – С. 77–79. (личный вклад 0,3 п.л.)
6. Попова, Г.Е. Субъектность, тональность и релевантность французского парламентского дискурса / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, А.М. Червоный // Вестник ПГЛУ. 2014. № 4. – С. 104–107. (личный вклад 0,3 п.л.)
7. Попова, Г.Е. Интеракционная релевантность парламентского дискурса / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, Л.Г. Шамугия // Вестник ПГЛУ. 2015. № 2. – С. 203–206. (личный вклад 0,3 п.л.)
8. Попова, Г.Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Политическая лингвистика. 2015. № 2. – С. 57–62. (личный вклад 0,3 п.л.)
9. Попова, Г.Е. Косвенные адресаты протокольного парламентского дискурса: интеракционный анализ / А.В. Алферов, Г.Е. Попова, Л.Г. Шамугия // Вестник ПГЛУ. 2015. № 3. – С.135–138. (личный вклад 0,3 п.л.)

10. Попова, Г.Е. Ксеностереотипы в языковой картине мира и в дискурсе Европейского парламента / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Политическая лингвистика. 2015. № 2. – С. 74–79. (личный вклад 0,3 п.л.).
11. Попова, Г.Е. О некоторых ксено-стереотипах в концептуальной картине Европарламента / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Вестник ПГЛУ. 2015. №2. – С. 175–178. (личный вклад 0,3 п.л.).
12. Попова, Г.Е. Динамика концептуализации России в парламентском дискурсе современной Европы / А.В. Алферов, И.Р. Курашенко, Г.Е. Попова // Вестник ПГЛУ. 2016. № 1. – С. 117–121. (личный вклад 0,3 п.л.).
13. Попова, Г.Е. Языки в политическом пространстве современной Европы и в Европарламенте / А.В. Алферов, Г.Е. Попова, А.М. Червонный // Политическая лингвистика. 2016. № 3. – С. 10–17. (личный вклад 0,3 п.л.).
14. Попова, Г.Е. Метафорика французского политического дискурса / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, О.В. Чмирева // Вестник ПГУ. 2016. № 3. – С. 142–145. (личный вклад 0,3 п.л.).
15. Попова, Г.Е. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода / А.В. Алферов, Г.Е. Попова // Вестник ПГУ. 2017. № 1. – С. 69–71. (личный вклад 0,3 п.л.).
16. Попова, Г.Е. Прагматизация наречия как путь образования речевых маркеров французского языка / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Вестник ПГУ. 2017. № 4. – С.84–86. (личный вклад 0,3 п.л.).
17. Попова, Г.Е. Релевантность и эристичность в политической коммуникации: паремические малапропизмы / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова и др. // Вестник ПГУ. 2018. №3. – С. 183–187. (личный вклад 0,3 п.л.).
18. Попова, Г.Е. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе / А.В. Алферов, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова // Вестник ВГУ. 2019. № 2. – С. 94–104. (личный вклад 0,3 п.л.).
19. Попова, Г.Е. Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской коммуникации / Г.Е. Попова // Политическая лингвистика. 2019. №1 (73) – С. 81–89. (1,5 п.л.).
20. Попова, Г.Е. Теория релевантности: актуальный эвристический потенциал / Г.Е. Попова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2019. № 56. – С. 122–134. (1,5 п.л.).
21. Попова, Г.Е. Релевантность полимодального пространства речевой интеракции / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка. Вып. 38: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. – С. 148–155. (1 п.л.).
22. Попова, Г.Е. Когнитивный резонанс как функция интеракционального энталамиривания / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). – С. 285–290. (1 п.л.).
23. Попова, Г.Е. Интеракциональная когнитивная семиотика: понятийные составляющие метода (интерпретанта, релевантность, ad-hoc концепты) / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова // Вестник ПГУ.

2020. №3. – С. 29–35. (личный вклад 0,3 п.л.).
24. Попова, Г.Е. Субъектность и объектность разделяемой когниции в коммуникативной интеракции / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). – С. 731–734. (1 п.л.).
25. Попова, Г.Е. Теория релевантности: гордость и предубеждения // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). – С. 61–68. (1 п.л.).
26. Попова, Г.Е. Внутренняя и внешняя релевантность речевой интеракции в контексте парламентской делиберативности / Г.Е. Попова // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. – С. 621–640. (1 п.л.).
27. Попова, Г.Е. Политическая когниция: интерпретация как аргументация и интеракция / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). – С. 633–636. (1 п.л.).
28. Попова, Г.Е. Интеракциональная когниция: дискурсивная память и эффекты ожидания / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). – С. 549–553. (1 п.л.).
- Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:**
29. Попова, Г.Е. Релевантность как суперкатегория речевой интеракции / Г.Е. Попова // Исследования в области французского языка и французской культуры: новое тысячелетие - новый этап: материалы международной научной конференции. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – С. 236–238.
30. Попова, Г.Е. Релевантность как интеракциональная категория высказывания / Г.Е. Попова // Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – С. 180–183.
31. Попова, Г.Е. Успешность коммуникации: релевантность и когезия / Г.Е. Попова // Материалы региональной межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодая наука – 2004». – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – С.150–153.
32. Попова, Г.Е. Личностная территория как параметр релевантности общения / Г.Е. Попова // Материалы IV международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру». Симпозиум VIII. Ч. П. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – С. 64–65.
33. Попова, Г.Е. Манипулятивная аргументация и коммуникативный конфликт / Г.Е. Попова // Личность, речь и юридическая практика: межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону: Изд-во: ДЮИ, 2006. – С. 223–226.
34. Попова, Г.Е. ИмPLICITная составляющая аргументативного высказывания / Г.Е. Попова // Материалы научной конференции «Университетские чтения – 2006». – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. – С. 322–325.
35. Попова, Г.Е. Принципы интерпретации высказывания / Г.Е. Попова // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений: межвузовский сборник научных трудов. Вып. XIV. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – С. 53–59.

36. Попова, Г.Е. Идентификация информативной релевантности / Г.Е. Попова // Словосочетание и предложение в германских языках: межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. – С.62–65.
37. Попова, Г.Е. Ксеностереотипы во французской языковой картине мира / Г.Е. Попова // Личность, речь и юридическая практика: межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону: Изд-во: ДЮИ, 2007. – С. 225–228.
38. Попова, Г.Е. Культурологическая релевантность дискурса: маркеры чужого / Г.Е. Попова // Исследования в области французского языка и французской культуры: Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания: материалы второй международной конференции. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – С. 60–63.
39. Попова, Г.Е. Об интеракционализме в лингвистике и имманентизме в лингвопрагматике / Г.Е. Попова // Прагмалингвистика и практика речевого общения: материалы III международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 330–334.
40. Попова, Г.Е. Интерперсональная релевантность речевой интеракции / Г.Е. Попова // Новые идеи в лингвистике XXI века: Материалы I международной научной конференции, посвященной памяти проф. В.А. Хомякова. Ч. 1. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – С.214–219.
41. Попова, Г.Е. Нонсенс как речевой жанр / Г.Е. Попова // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения ПГЛУ – 2010». – Пятигорск, 2010. – С.37–41.
42. Попова, Г.Е. Дискурсивный аспект речевого взаимодействия: маркирование и метаречевой договор / Г.Е. Попова // Материалы региональной научно-практической конференции «Россия - Франция: на перекрестке культур». – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – С.180–184.
43. Попова, Г.Е. Нарушение языковой и речеповеденческой нормы на формальном и содержательном уровнях / Г.Е. Попова // Материалы региональной межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодая наука – 2010». – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – С. 126–129.
44. Попова, Г.Е. Релевантность как суперкатегория интеракциональной грамматики / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // VI международный конгресс «Мир через языки, образование, культуру: Россия - Кавказ - Мировое сообщество». Симпозиум 11. – Пятигорск, 2010. – С. 178–180.
45. Попова, Г.Е. «Будь готов» к актам речевого противодействия: категория релевантности / Г.Е. Попова // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения ПГЛУ – 2011». Т. IV. – Пятигорск, 2011. – С. 194–199.
46. Попова, Г.Е. Нарушения языкового кода в речевой интеракции / Г.Е. Попова // Материалы региональной межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодая наука – 2011». Ч.

- V. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – С. 211–213.
47. Попова, Г.Е. Метакоммуникативные акты как маркеры релевантности речевой интеракции / Г.Е. Попова // Материалы региональной научно-практической конференции «Россия - Франция: на перекрестке культур». – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – С.48–50.
48. Попова, Г.Е. Релевантность речевой интеракции в зеркале обыденного сознания / Г.Е. Попова // Актуальные проблемы языкового образования: материалы международной конференции. – Майкоп: АГУ, 2011. – С. 261–265.
49. Попова, Г.Е. Перлокутивность как производная релевантности высказывания в речевом взаимодействии / Г.Е. Попова // Сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 70–71.
50. Попова, Г.Е. Релевантность как интеракциональная категория высказывания / Г.Е. Попова // Личность, речь и юридическая практика: сборник научных трудов международной научно-практической конференции Вып. 15. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 171–174.
51. Попова, Г.Е. Перлокутивность как коррелят релевантности в речевом взаимодействии / Г.Е. Попова // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения ПГЛУ – 2012». – Пятигорск, 2012. – С.70–74.
52. Попова, Г.Е. Релевантность речевой интеракции как условие успешной коммуникации / Г.Е. Попова // Материалы Всероссийской межвузовской научной конференции «Речь. Речевая деятельность. Текст», посвященной памяти проф. Г.Г. Инфантовой. – Таганрог: ТГПИ, 2012. – С. 351–355.
53. Попова, Г.Е. Маркирование метаречевого договора / Г.Е. Попова // Материалы I международной конференции по интеракциональной лингвистике. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – С. 78–83.
54. Попова, Г.Е. Некоторые составляющие коммуникативной релевантности высказывания / Г.Е. Попова // Романская филология в контексте современного гуманитарного знания: сборник научных трудов. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – С. 155–159.
55. Попова, Г.Е. Аргументология диалога / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения ПГЛУ – 2013». – Пятигорск, 2013. – С. 153–158.
56. Попова, Г.Е. Метаречевой договор и его маркирование (на материале французского языка) / Г.Е. Попова // Личность, речь и юридическая практика: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2013. – С.171–174.
57. Попова, Г.Е. Жанровая асимметрия релевантности институционального речевого взаимодействия в сопоставлении лингвокультур / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Материалы VII международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество». Симпозиум XI. – Пятигорск, 2013. – С. 30–32.
58. Попова, Г.Е. Релевантность людического дискурса (на материале сказок

- Л. Кэрролла и их переводов) / Г.Е. Попова // Исследования в области романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы научно-практической конференции. – Пятигорск, 2013. – С.10–16.
59. Попова, Г.Е. Парламентский дискурс: динамика жанрового пространства французского парламента / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Материалы X международной научной конференции «Политическая коммуникация». – Екатеринбург, 2016. – С. 12–16.
60. Попова, Г.Е. Европейский парламентский дискурс: методология интеракционного исследования / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Материалы научной конференции «Университетские чтения - 2017». – Пятигорск: ПГУ, 2017. – С. 119–123.
61. Попова, Г.Е. Фразеорефлексы французского языка в речевом взаимодействии / Г.Е. Попова // «Наука и практика – 2017»: материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции; под общ. ред. Н.Т. Берберовой, А.В. Котельникова. – Астрахань, 2017. – С. 74–75.
62. Попова, Г.Е. Деонтология и релевантность речевого взаимодействия / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Материалы научно-методической конференции «Университетские чтения – 2018». – Пятигорск: ПГУ, 2018. – С. 10–15.
63. Попова, Г.Е. Релевантность динамического семиозиса, или когнитивное измерение «сказывания» (О дополнительности лингвопрагматической и когнитивной парадигм) / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 26. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – С. 15–20.
64. Попова, Г.Е. Релевантность как категория политического дискурса / Г.Е. Попова // «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация»: материалы международной научной конференции. 10–14 октября 2018; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2018. – С. 219–222.
65. Попова, Г.Е. Различия и особенности применения юридических терминов за рубежом / Г.Е. Попова // Материалы 62-й международной научной конференции Астраханского гос. техн. ун-та. – Астрахань, 2018. – С. 115.
66. Попова, Г.Е. Релевантность как категория парламентского дискурса / Г.Е. Попова // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции. – Казань, 2018. – С. 194–197.
67. Попова, Г.Е. Объективное и субъективное в переводе: переводчик в поисках семиотической релевантности / Г.Е. Попова, Е.Ю. Кустова // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: сборник научных трудов. Вып. 9. – Н. Новгород: Альба, 2019. – С. 109–116.
68. Попова, Г.Е. Релевантность персонального дискурса в политике / Г.Е. Попова // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: науч. журнал; отв. ред. В.Д. Калиущенко. Т. 15. Вып. 1-2 (43-44). – Донецк: ДонНУ, 2019. – С. 93–99.

69. Попова, Г.Е. Парламентские дебаты: делиберативность или критическая дискуссия? / А.В. Алфёров, Г.Е. Попова // Университетские чтения – 2019. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – С. 115–119.
70. Попова, Г.Е. Релевантность как интеракциональная категория: феномен «эпистемической бдительности» / Г.Е. Попова // «Языковое бытие человека и этноса»: сборник научных трудов по материалам XVI Березинских чтений; под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой. Вып. 21. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – С. 27–37.
71. Попова, Г.Е. Теория релевантности: две концепции контекста / Г.Е. Попова // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Т. 16. № 1 (47). – Донецк: ДонНУ, 2020. – С. 60–69.
72. Попова, Г.Е. Релевантность высказывания как условие успешности речевой интеракции / Г.Е. Попова // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Т. 16. № 3 (49). – Донецк: ДонНУ, 2020. – С. 75–84.
73. Попова, Г.Е. Интеракционально-интерактивная интенциональность речевого взаимодействия / Г.Е. Попова // Жизнь языка в культуре и социуме – 8: материалы международной научной конференции. – М.: ИЯ РАН, 2021. – С. 212–214.
74. Попова, Г.Е. «Black box»: переводческое решение как когнитивный феномен и языковая трансгрессия / А.В. Алфёров, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты: материалы международной научно-практической конференции; под ред. Л.Г. Кузьминой, Н.А. Фененко. – Воронеж, 2021. – С. 8–20.
75. Попова, Г.Е. Диалогические смыслы: внутренние релевантности собеседников / Г.Е. Попова // «Антропологический поворот: теории и практики»: сборник трудов международной научной конференции. В 2 ч. Ч.1; отв. ред. А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов, Т.В. Струкова. – Орёл: Орловский гос. ин-т культуры, 2021. – С. 212–226.
76. Попова Г.Е. Лингвопрагматические механизмы взаимопонимания: французская речевая интеракция / Г.Е. Попова // Материалы VII международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака». – М.: МПГУ, 2022. – С. 265–373.